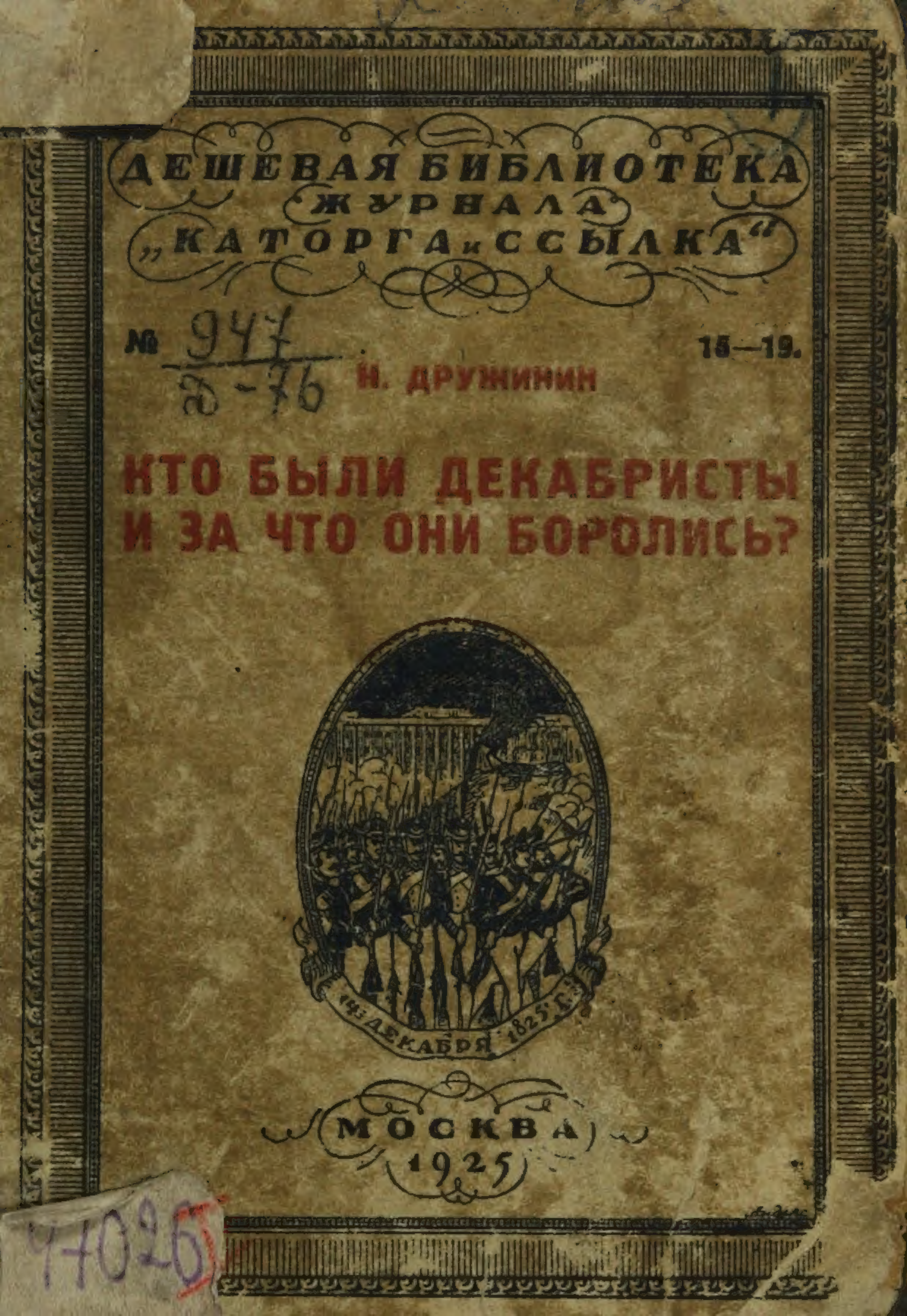
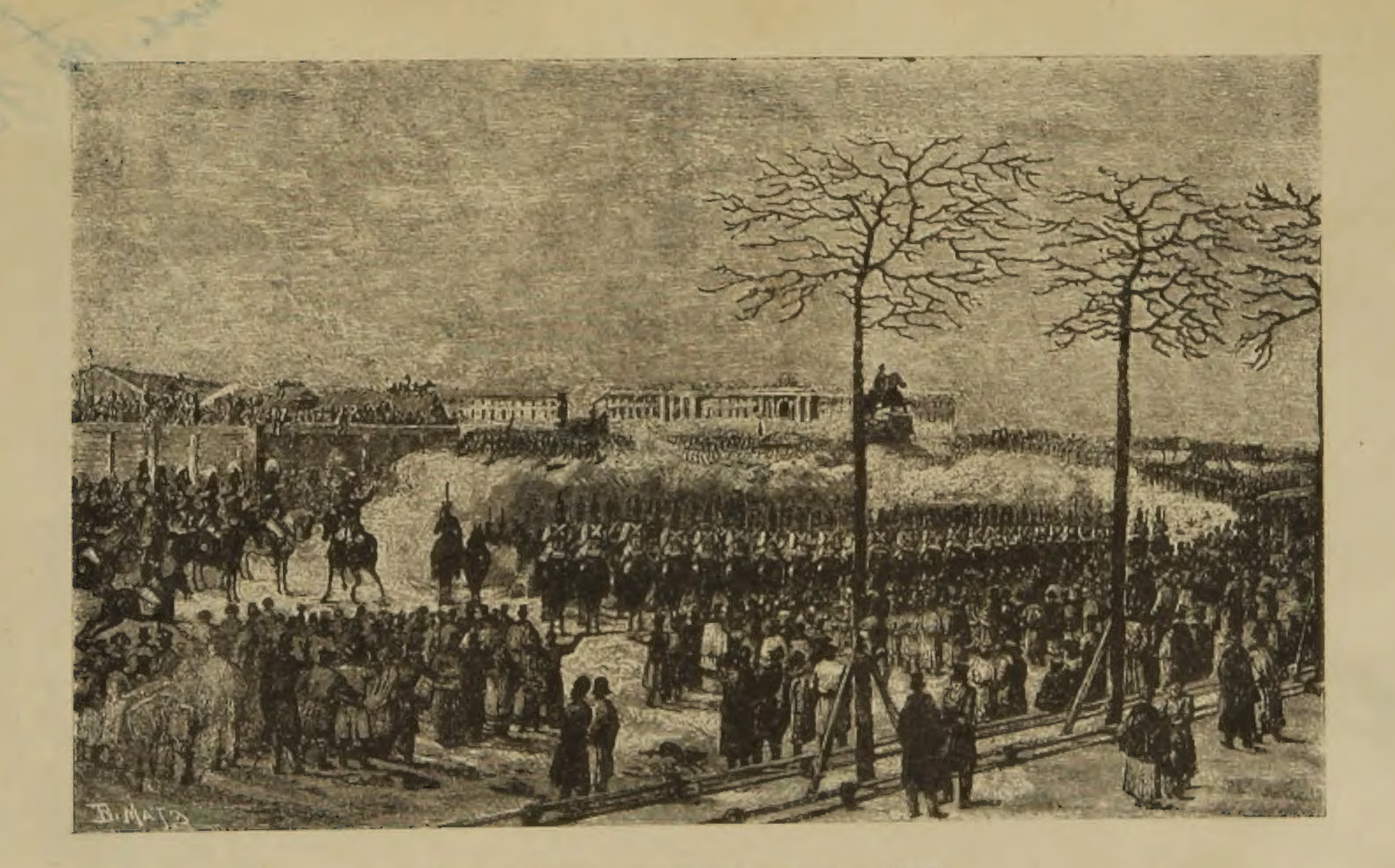

ДЕШЕВАЯ БИБЛИОТЕКА
ЖУРНАЛА
„КАТОРГА и ССЫЛКА"
№ 15—19.
Н. ДРУЖИНИН
КТО БЫЛИ ДЕКАБРИСТЫ И ЗА ЧТО ОНИ БОРОЛИСЬ?
14 ДЕКАБРЯ 1825 Г.
МОСКВА
1925

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ВСЕСОЮЗНОГО
ОБЩЕСТВА
ПОЛИТИЧЕСКИХ
КАТОРЖАН
—И—
ССЫЛЬНО-
ПОСЕЛЕНЦЕВ

Сенатская площадь 14 декабря 1825 г.

ДЕШЕВАЯ БИБЛИОТЕКА ЖУРНАЛА „КАТОРГА и ССЫЛКА“

№ 15—19

Н. М. ДРУЖИНИН

КТО БЫЛИ ДЕКАБРИСТЫ И ЗА ЧТО ОНИ БОРОЛИСЬ?

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВСЕСОЮЗНОГО ОБЩЕСТВА ПОЛИТКАТОРЖАН и СС.-ПОСЕЛЕНЦЕВ

Москва—1925

Издано постановлением Комиссии Всесоюзного Общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев по празднованию столетнего юбилея восстания декабристов.

Москва. Главлит № 37.964. 50.000 экз.

„Мосполиграф", 16 тип., Трехпрудный, 9.

ЛЕНИН О ДЕКАБРИСТАХ.

Исполняющееся столетие со дня декабрьского восстания 1825 года, совпадающее с другой знаменательной датой русского революционного движения—первой русской революции 1905 года, вызывает у некоторых наших историков противопоставление восстанию декабристов—революции 1905 г.—массового революционного движения нашей эпохи, что приводит их к неверным выводам, порой клонящимся к искажению перспективы оценки декабристов и даже отрицанию их роли как зачинателей революционной борьбы против царизма.

Поэтому очень уместно вспомнить то, что писал о декабристах Ленин, который указал место декабристов, в общей оценке различных этапов истории русского революционного движения. В 1912 году, в связи со столетием со дня рождения Герцена, Ленин написал статью „Памяти Герцена“, в которой он говорит: „Чествуя Герцена, мы видим ясно три поколения,

три класса, действовавшие в русской революции. Сначала—дворяне и помещики, декабристы и Герцен. Узок круг этих революционеров. Страшно далеки они от народа. Но дело их не пропало. Декабристы разбудили Герцена. Герцен развернул революционную агитацию. Ее подхватили, расширили, укрепили, закалили революционеры-разночинцы, начиная с Чернышевского и кончая героями „Народной Воли". Шире стал круг борцов, ближе их связь с народом. „Молодые штурманы будущей бури",—звал их Герцен Но это не была еще самая буря. Буря, это—движение самих масс. Пролетариат, единственный до конца революционный класс, поднялся во главе их и впервые поднял к открытой, революционной борьбе миллионы крестьян. Первый натиск бури был в 1905 году".

В этой сжатой схеме истории русской революции Ленин видит заслугу декабристов в том, что они разбудили Герцена. В другой статье Ленина, или, вернее его речи, произнесенной в Цюрихе, в 1917 году, в ознаменование 12-летней годовщины 9 января, Ленин говорит: „Интересно сравнить военные восстания в России 1905 года с военным восстанием декабристов 1825 года. Тогда руководство политическим движением принадлежало почти исключительно офицерам, в особенности офицерам дворянам; они были заражены соприкосновением с демократическими идеями Европы во время наполеоновских войн. Масса солдат, состоявшая тогда еще из крепостных крестьян, держалась пассивно. История 1905 года дает нам совершенно обратную картину. Офицеры, за неболь-

шими исключениями, были тогда настроены или буржуазно-либерально, реформистски, или же прямо контр-революционно. Рабочие и крестьяне в военной форме были душою восстаний; движение стало народным".

Тот же факт, что русское революционное движение стало народным, Ленин видит в том, что и декабристы и герои „Народной Воли“ прямо или косвенно способствовали „последующему революционному воспитанию русского народа“. „И что беззаветная преданность революции и обращение с революционной проповедью к народу не пропадает даже тогда, когда целые десятилетия отделяют посев от жатвы“.

Декабрьское восстание 1825 года было той революционной искрой, из которой позднее загорелось яркое пламя русской революции—в этом заключается историческая роль и значение декабристов в общей истории русского революционного движения. Это обязывает трудящихся советской страны отдать должное памяти декабристов, которые сто лет тому назад выступили с оружием в руках против царизма и затем мужественно переносили невзгоды сибирских рудников и каторжных тюрем, своим примером утверждая непримиримость многих поколений русских революционеров в вековой борьбе с самодержавием.

Вл. Виленский-Сибиряков.

шими [illegible], были тогда настроены или бур-
жуазно-либерально, реформистски, или же прямо
контрреволюционно. Рабочие и крестьяне в [illegible]
[illegible] были лучшею защитой [illegible]
родины".

Тот же факт, что русские революционные деяте-
ли стали народными, Ленин видит в том, что и де-
кабристы, и герои „Народной Воли" прямо или кос-
венно способствовали „последующему революционно-
му воспитанию русского народа". И [illegible]
[illegible] революции в обращении с [illegible]
ной пропагандой к народу не пропадает [illegible]
когда лучшие декабристы [illegible] массы от [illegible]

Декабрьское восстание 1825 года было уже [illegible]
[illegible] на которой [illegible]
[illegible] русской революции — и этим [illegible]
[illegible] роль и значение декабристов в общей историче-
[illegible] революционного движения. Это обязывает
трудящихся советской страны отдать должное памяти
декабристов, которые [illegible] выступили
с оружием в руках против царизма и [illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
в [illegible] борьбе с самодержавием.

Вл. Виленский-Сибиряков.

1. РОССИЯ СТО ЛЕТ НАЗАД.

14 (27 н. с.) декабря 1925 г. исполняется ровно 100 лет со дня восстания „декабристов“, первого революционного выступления против царского самодержавия. Как вспыхнуло это восстание? Кто такие были „декабристы“ и к чему они стремились? Почему их смелый порыв окончился не победой, а тяжелым поражением? Вот—вопросы, на которые отвечает эта небольшая книжка.

Чтобы понять движение декабристов, посмотрим, что представляла собой Россия сто лет назад.

На огромное пространство—от Белого до Черного моря, от германской границы до Тихого Океана—перед нами развернется обширная и редко населенная страна: на севере и востоке синеют глухие безлюдные леса, на юге еще стелются нетронутые степи; население гуще всего—на западе и в центре Европейской России; постепенно оно расходится на юг и восток, в плодородные черноземные области. Городов мало; они теряются среди распаханных равнин, которые то здесь, то там усеяны селами и деревнями: Россия начала XIX столетия—еще более земледельческая страна, чем в настоящее время;

только двадцатая часть ее населения ведет городскую жизнь. Но не крестьяне—хозяева этих земельных угодий: над соломенными крышами крестьянских изб поднимаются здания помещичьих усадеб, а деревенские поля оглашаются грозными окриками барских бурмистров. Большая часть крестьянства живет в условиях крепостной неволи. Мужик и пашет, и сеет, и косит на барина; мужик несет на господский двор и холсты, и птицу, и денежный оброк; любого крестьянина помещик может оторвать от семьи и поместить в свою дворовую прислугу; помещики торгуют крестьянами, как живым товаром; над каждым висит у роза барского гнева, и часто на барской конюшне раздаются вопли истязуемых „холопов". Крестьянская барщина (даровая работа на барина) и крестьянский оброк (обязательные приношения припасами и деньгами) составляют основу благополучия и влияния дворянского сословия. Каждый год, с наступлением санного пути, по снежным дорогам России тянутся тысячи подвод, нагруженные хлебом, кожами, салом и другими деревенскими продуктами. Крепостные возчики зорко охраняют барское добро, а крепостные приказчики сбывают его в городах—особенно у речных пристаней—предприимчивым оборотливым скупщикам. Часть товаров расходится по стране, остальные нагружаются на морские пароходы и отправляются за границу, особенно в богатую промышленную Англию. В руках помещиков скопляются большие денежные средства, которые идут на покупку заграничных и русских товаров, тратятся на устройство дорогой и красивой жизни. Обстраиваются деревенские усадьбы, возводятся городские особняки, разбиваются тенистые парки; в просторных комнатах помещичьих домов появляются художественные картины, изящная мебель, французские и английские книги. Дворянство—самый богатый и самый сбра-

вованный класс в стране. Он поставляет офицеров и чиновников, из его рядов выходят ученые и писатели. Тысячами рук, протянутых из господских имений и городских канцелярий, он держит в повиновении раздробленную и темную массу трудящихся рабов. Каждый помещик в своем имении—маленький, но могущественный самодержец; его личная воля—закон для его крепостных подданных; и он знает, что малейшее непослушание его „холопов“ встретит суровый и немедленный отпор со стороны государственной власти. Над тысячами маленьких самодержцев возвышается „первый помещик“—самодержец всея России. Железным обручем неограниченной власти он скрепляет в единое целое эти разрозненные крепостные миры. В его распоряжении две армии: одна, военная, силою оружия поддерживает мощь крепостного государства и обеспечивает неприкосновенность его строя; другая, гражданская, управляет страной при помощи бесконечных чиновничьих перьев,—путем указов, циркуляров, распоряжений. Самодержавие царя и крепостное право помещика поддерживают и упрочивают друг друга: без железной диктатуры монархии рухнет дворянская власть над крестьянами; без крепостного права окажется ненужной и бессмысленной неограниченная власть царя. Громадное большинство дворян отлично понимает это: охраняя свое богатство и свою силу, они плотной стеной окружают царский трон и не желают никакого ограничения царской власти. А если порою суровая десница императора слишком тяжело опускается на дворянские плечи, господствующее сословие предпочитает лучше убрать с дороги „безумного деспота“, чем колебать основы самодержавного порядка. Так случилось, в начале XIX века, с императором Павлом: его политика оказалась слишком невыгодной для дворянства, его управление чересчур

жестоким — и в ночь на 12 марта 1801 года, при всеобщем открытом сочувствии, дворянская знать покончила с своим царем. Но его сын и наследник, Александр I, вступил на престол таким же неограниченным самодержцем, каким признавался его отец. Изменилась личность царя, но осталась нетронутой прежняя форма правления.

Самодержавная монархия, опиравшаяся на крепостное хозяйство, — вот что представляла собой дворянская Россия сто лет назад. Этот строй установился уже давно и многим казался незыблемо-прочным. Но в действительности дело было не так: новые условия жизни постепенно и неуклонно подтачивали устои самодержавно-крепостного порядка.

Прежде всего непрерывно увеличивалась торговля: все больше и больше грузов отправлялось в заграничные страны, все больше продавали и покупали в самой России. Северные малоплодородные губернии не могли существовать собственным хлебом: их кормил черноземный юг; с другой стороны, целый ряд губерний нуждался в готовых изделиях: в косах, в серпах, в деревянных поделках, в обработанной коже, которые везли из промышленных районов. Дворянство все больше и больше тратилось на покупку заграничных товаров: шерстяных и шелковых материй, чая, сахара, вин, разнообразных предметов роскоши. Люди — особенно в городах — начинали сильно нуждаться в деньгах, выискивали пути и средства для обогащения и заработка. Удачливые купцы быстро „выходили в люди“, приобретали себе большие состояния, становились крупными капиталистами. Особенно наживались на казенных подрядах и винных откупах: поставки на армию и продажа водки сделались настоящим „золотым дном“. В русских городах росла и крепла буржуазия, которая приводила в движение торговый оборот страны.

Кое-где наживались и простые кустари, работавшие в деревенских светелках. С начала XIX века в России начинает сильно расти выработка ситца: из-за границы привозят дешевую машинную пряжу, превращают ее в материю и подвергают окончательной отделке. Ткачество и набойка, после московского пожара 1812 года, были самым доходным промыслом. Оборотливый кустарь, сбывая свой ходкий товар оптовому торговцу, быстро превращался в маленького фабриканта. Он нанимал рабочих, понемногу расширял производство и делался настоящим промышленником-капиталистом. Таких разбогатевших одиночек сто лет тому назад было не мало; некоторые выходили из среды крепостных крестьян и, составив себе крупное состояние, за большие деньги откупались на волю: знаменитый Савва Морозов заплатил помещику за свою свободу 17.000 рублей. На изготовлении ситца „зарабатывали" не только ловкие кустари: в это доходное дело вкладывали накопленные капиталы разбогатевшие купцы, а иногда богатые дворяне. И росли не только хлопчатобумажные фабрики: производство полотна, сукна, кожи, стальных изделий—все больше и больше переходило на крупные предприятия. Из-за границы выписывали недавно изобретенные машины, пускали в ход паровые двигатели, увеличивали число наемных рабочих. В 1804 г. в России было 2.423 фабричных заведений и на них 95.202 рабочих, в 1825 г.—5.261 предприятие и больше 210.000 рабочих. А главное, самая фабрика была уже не та, что раньше: в прежние времена на фабрике работали почти исключительно крепостные, несвободные люди; они отбывали фабричную барщину так же, как земледельцы отбывали ее на помещичьих полях—даром и из-под палки. Теперь капиталисты начинают понимать, что такой труд непроизводителен и дает мало дохода; чтобы извлечь больше при-

были, нужно изготовить товар и лучше, и дешевле; свободные рабочие вырабатывают продукты быстрее и выше по качеству—поэтому лучше нанять вольного бедняка, чем кормить крепостного холопа. И постепенно русские фабриканты,—особенно энергичные хозяева из новой, разбогатевшей буржуазии,—переходят к вольнонаемному труду. Повышается спрос на свободных рабочих; право владеть крепостными ценится все меньше и меньше.

Дворяне-помещики не отстают от торгово-промышленной буржуазии. Многие из них тоже имеют фабрики с сотнями и тысячами рабочих. Но главное их богатство—не фабрики, а земля: сделать доходнее сельское хозяйство, повысить урожайность хлебных полей, извлечь больше дохода из продажи продуктов—становится главной заботой русских землевладельцев. Но как этого добиться? Образованные дворяне, бывавшие за границей, читавшие иностранные книги, ищут примеров в более передовых европейских странах. Они видят, какие огромные успехи делает английское сельское хозяйство, какое значение имеют технические усовершенствования—применение машин, травосеяние, замена трехполья плодопеременом. Более предприимчивые и смелые начинают заводить хозяйство по-новому: выписывают из-за границы новые плуги и молотилки, разводят улучшенные породы скота, засевают поля клевером и свеклою, строят сахарные и винокуренные заводы. Однако на первых же порах они убеждаются, что барщинный труд крепостного крестьянина несовместим с новым хозяйством: даровая работа в поле так же не производительна, как за ткацким станком. Лучше иметь дешевого свободного батрака, чем дарового ленивого холопа. То, что годилось при старом порядке вещей—при медленном денежном обороте, при отсталых приемах хозяйства,—оказы-

вается ненужным, бессмысленным, вредным при начавшемся движении вперед. Так первые ростки промышленного и аграрного (сельско-хозяйственного) капитализма поставили на очередь вопрос об отмене крепостного права. Если Россия хочет итти вперед, развивать свое хозяйство, накоплять капиталы—нужно освободить крестьян. Как освободить—другое дело, но освободить необходимо. Об этом начинают тихо и громко говорить—и в дворянских особняках, и в правительственных канцеляриях, и даже в царском дворце. Составляют проекты, пишут секретные записки, подают высочайшие доклады, доказывая всю необходимость и выгодность подобной перемены: государство и помещики не проиграют, а выиграют от уничтожения крепостного права. Пусть крестьянин будет свободен, но пусть он нуждается в подсобном заработке или в аренде помещичьей земли.

Но заговаривают не только об отмене крестьянской крепости. Раздаются и другие, более смелые голоса: если не нужно крепостное право, то не нужно и царское самодержавие; Россия выросла из самодержавных пеленок; необходима свобода хозяйственного развития, простор для предприимчивости, широкое поле для личной деятельности. Почему Россия так отстала? почему ее обогнали передовые европейские государства? Потому, что ее общественная и частная жизнь скована цепями деспотизма. На каждом шагу—преграды, люди боятся говорить и действовать, управление—в руках неспособных выскочек, обласканных царем; кругом—безграмотность и косность. Для того, чтобы Россия быстро пошла вперед, нужно произвести коренные политические перемены, ограничить царскую власть, провозгласить политическую свободу.

Такие разговоры велись не только в столичных гостиных, но и в провинциальных домах, и в дере-

венских усадьбах. И не одни дворяне обменивались такими мнениями: купцы Петербургского гостиного двора тоже вели политические беседы, тоже критиковали правительство. Чаще всего подобные мысли можно было услышать от людей, побывавших за границей или получивших европейское образование. Сто лет тому назад таких людей было немало. В 1812 г. разразилась большая война с Наполеоном, которая закончилась заграничным походом в Германию и Францию. Два года русские войска видели своими глазами новую жизнь, слышали новые речи, проникались новыми мыслями. Они встретились с людьми, только что пережившими события Великой Французской Революции. Старая дворянская Франция, с неограниченной королевской властью, с засильем католической церкви, рушилась под напором народных масс. Лозунги свободы и равенства облетели европейские страны, всюду помогая покончить и с крепостным правом, и с самодержавной монархией. То, что едва-едва зарождалось в России, совершилось в более передовых государствах: промышленный капитализм подточил устои дворянского господства, выдвинул новый общественный класс, буржуазию, и ее руками начал коренное преобразование „старого порядка". Переворот произошел не сразу: за первыми победами революции наступили временные поражения, началось частичное возвращение вспять („реакция"); в самой Франции была восстановлена королевская власть, но это был не тот король и не та власть, что раньше. Вся жизнь потекла по-новому, крестьянство было свободно и независимо; песня дворянства была уже спета; король был ограничен „конституцией" (законами, вводившими народное правление). Медленнее и труднее совершались подобные же перемены в других европейских странах. Казалось, мир обновлялся; новою жизнью веяло над

пробудившимся человечеством. Стали иначе думать, иначе чувствовать, чем прежде. Быстрое хозяйственное развитие, глубокие политические перемены, богатство житейских впечатлений — вот что увидели перед собой русские офицеры и солдаты за пограничным рубежом.

А иностранные газеты и книги помогали осмыслить все виденное и слышанное за границей. Не всем были доступны эти книги: солдаты их не читали, но образованные дворяне, занимавшие командные должности, охотно заглядывали в сочинения французских, английских, немецких писателей. Эти книги и раньше приходили в Россию: они украшали библиотеки богатых помещиков, их изучали любители европейского просвещения. Уже тогда, за 40—50 лет до французского похода, иностранная литература сеяла в России заразу „вольнодумства"; теперь ее читали внимательнее и понимали лучше, ее мысли глубоко западали в сознание, заставляли напряженно думать, ломали старые дедовские понятия и вкусы.

Все шире и шире среди образованного дворянства распространялось мнение о необходимости политических преобразований на родине: революции не надо, опасных восстаний необходимо избежать, но оставлять все по-старому тоже нельзя; лучше всего сохранить монархию, но ограничить ее власть „конституцией", „законно-свободными учреждениями", т. е. палатой депутатов из обеспеченных классов, главным образом из дворян; ввести умеренную свободу печати, разрешить русским гражданам составлять союзы, обеспечить свободу передвижения, очистить продажную администрацию (чиновничество), распространить просвещение. Так, на далеких полях самодержавной России, звучали ответные отголоски Великой Французской Революции.

Но эти вольнолюбивые взгляды разделялись только передовым меньшинством дворянского сословия. Огромное большинство рассуждало иначе: люди слепой привычки, трезвые практики опасались всяких нововведений. Они предпочитали получить лучше синицу в руки, чем журавля в небе; посмеивались над неопытными мечтателями, а иногда сурово ополчались против „пустяшных бредней" вольнодумных говорунов. Действительность как-будто оправдывала их осторожную тактику: русский капитализм развивался медленно и туго; заграничная торговля продолжала оставаться в руках иностранных купцов; внутреннему обороту мешало отсутствие хороших дорог; старые крепостные фабрики еще держались благодаря казенным заказам; а главное, переход к новому сельскому хозяйству оказался не так легок, как думали раньше. Многие помещики проиграли на агрономических улучшениях: польза плодоперемена и машинной техники сказалась не сразу; вольнонаемные работники были дороги и редки; денежных капиталов не хватало на необходимые затраты; сильно мешало отсутствие знаний и умственного развития. Английские новинки не про нас,—говорили хозяева-практики; лучше итти по старой проторенной дороге, чем ломать ноги на новых неизведанных путях. Стали переходить на старую упрощенную систему: оставляли трехполье, зато расширяли запашку и сильно увеличивали барщину. Чем больше ощущалась нужда в деньгах, тем туже затягивали ярмо крепостного труда: старались взять не качеством, а количеством, выжать из крестьянина все, что можно. Таких поклонников барщины было особенно много на черноземном юге, где хорошие урожаи быстро обогащали энергичных землевладельцев. Отстаивая свои интересы, они упорно противились освобождению крестьян. Их голосам вторили и многие помещики про-

мышленных губерний: отпуская крестьян на заработки, они накладывали на них громадные оброки и не хотели расставаться с своими большими доходами. Цепляясь за крепостное право, эти стародумы боялись всякой новизны, всяких политических перемен: бог—на небе, царь—на земле, помещик—в своей деревне; троньте один камешек,—и рухнет все государство.

Город развивался быстрее деревни, вольнонаемный труд делал здесь бо́льшие успехи, сильнее подтачивал крепостные устои. Но и здесь чувствовались еще застой и косность; русские торговцы и фабриканты сильно отставали от европейской буржуазии и в духе предприимчивости, и в просвещении. Купечество чувствовало себя стесненным и униженным перед дворянами; ему не хватало широкого размаха, смелого риска, европейских знаний. Старые дедовские понятия сковывали людей, крепкими цепями опутывали их сознание.

Эти цепи духовного рабства тяготели и над крестьянской массой. Но здесь—глухо и скрытно—бродили иные мысли, волновались иные чувства. Мечта о воле—полной и безраздельной—никогда не умирала в закрепощенной деревне. Затаенный и сдавленный протест пробивал вековую тьму и чувство холопства. Смутные воспоминания о казацкой вольнице, о мужицких бунтах, о „царе Петре Федоровиче" жили в рассказах и песнях простого народа. Временами—то здесь, то там—вспыхивали крестьянские волнения, загорались помещичьи усадьбы, убивались жестокие бурмистры и помещики. Русские дворяне отлично знали, что почва под ними колеблется, что новая „пугачевщина" может смести их внезапным и быстрым потоком. „Мы узрим окрест нас меч и отраву. Смерть и пожигание нам будет посул за нашу суровость и бесчеловечие... Блюдитеся", Так

предупреждал помещиков А. Н. Радищев, революционный писатель XVIII века. Доказывая весь вред и всю опасность крепостного права, он звал дворян к добровольной и необходимой жертве—к освобождению крестьян. Но сила непосредственных интересов мешала быть дальнозоркими: крепостное право еще не перестало быть выгодным, и бо̀льшая часть дворянского сословия искала другого выхода: она требовала усиления „отеческой" власти и железной дисциплиною стремилась удержать крестьянскую тягу к земле и воле.

Так разнородны были интересы и воззрения внутри русского общества сто лет тому назад. Даже господствующее дворянское сословие дробилось на разные течения и группы: образованное и проницательное меньшинство стремилось вперед, мечтало о политических и общественных преобразованиях; невежественное и косное большинство со страхом оберегало „священную старину" и противилось всяким нововведениям. Немудрено, что и политика правительства не была единою, твердою и последовательной.

Когда на место убитого полубезумного Павла стал самодержцем его сын, молодой Александр, в России как-будто повеяло новою свободною жизнью: раскрылись двери политических темниц, и узники вышли из своего заточения; исчезли позорные пытки и тайная политическая полиция; население вздохнуло свободнее, сбросило с себя чувство мертвящего страха, заговорило самостоятельнее и громче. Все взоры обратились на молодого царя, который казался искренним другом своего народа. Когда Александр был наследником, он горячо возмущался самодержавием, готовился отречься от престола и учредить в России республику. Теперь он думал иначе: окружив себя молодыми друзьями, поклонниками европейских учреждений, он решил воспользо-

ваться своей властью, чтобы произвести коренное преобразование страны—отменить крепостное право, ввести народное представительство, улучшить управление, насадить просвещение. Его мысли сходились с мыслями передовых людей его времени: не даром он читал французские книжки и брал уроки у образованного республиканца Лагарпа. Но этот „революционер на троне“ оказался в душе таким же самодержцем, какими были его предки: прекрасные слова о свободе уживались в нем с жестокими и самовластными действиями; он не хотел и не допускал никакой самостоятельности в своих подчиненных. Постепенно он стал все чаще и внимательнее прислушиваться к другим речам, к другим привычным советам: оставить все по-старому, не посягать на свою священную власть, не прикасаться к вековому укладу крепостных отношений. Всю свою жизнь Александр поручал своим чиновникам составлять конституции по европейскому образцу,—и ни одна из этих конституций не увидела света. Не раз император во всеуслышание заявлял, что он готовит своим подданным желанную свободу, но никогда эта свобода не сделалась достоянием его страны. Чем дольше Александр сидел на троне, тем меньше в нем проявлялось охоты ограничивать свою власть. После долгой и трудной борьбы с Наполеоном, русский царь окончательно перешел на сторону реакции. Его пугали призраки народных восстаний в Европе и в собственной стране. Только религия казалась ему надежным оплотом против житейских треволнений. Вместе с другими самодержцами Европы он образовал „Священный Союз“, который об'явил войну всяким вольнолюбивым стремлениям. Управление страной он передал в железные руки генерала Аракчеева, невежественного и грубого солдата, который был его преданным и исполнитель-

ным рабом. Стараясь поддержать военную мощь государства, он ввел небывало-суровую дисциплину в армии и сотни крестьянских деревень превратил в „военные поселения“—хлебопашцев сделал солдатами, и солдатское ученье соединил с обработкою полей. Когда, задавленные тягостью этой двойной повинности, крестьяне поднялись против каторжного гнета и отказались повиноваться, Александр приказал беспощадными мерами подавить начавшееся движение. „Пусть вся дорога от Петербурга до Чудова [1]) покроется трупами, но военные поселения будут существовать“,—так передают его слова. Снова Россию окутал черный мрак раболепного страха и молчаливой покорности. Казалось, царь ополчился против всего, чему он раньше так искренно и безусловно верил: против самостоятельной мысли, против свободной науки, против европейского просвещения. Прекратились всякие реформы, всякие толки о переменах. Самодержавно-крепостная монархия не хотела сдаваться без боя, у нее была еще надежная опора—в поддержке дворянского большинства, в отсталости и косности буржуазии, в темноте и неорганизованности крестьянских масс. Против нее была только небольшая сознательная группа образованного дворянства, которая видела далеко вперед и понимала ход развивавшейся жизни.

Россия сто лет тому назад стояла на великом историческом повороте: впереди открывалась новая дорога промышленного и аграрного капитализма, широкой предприимчивости, свободной гражданской деятельности; эта дорога неуклонно и прямо вела к уничтожению старого самодержавно-крепостного строя. Но переход на новую дорогу был медленным и трудным: прошлое цеплялось за настоящее, старое

---

[1] Чудово поселение в Новгородской губернии.

подгнивающее дерево продолжало заглушать свежие молодые побеги. В такие времена жизнь делается особенно сложной и пестрой; человеческая мысль работает особенно напряженно и сильно; чувства передовых людей взволнованы больше и скорее толкают их на решительные действия. Но последний час отживающего порядка еще далеко не настал, и это передается тем, кто жадно и смело стремится вперед: они чувствуют себя одинокими, их действия не так решительны и упорны, и если они вступают в активную борьбу, то терпят тяжелые поражения. Так было и с первыми русскими революционерами, которые подняли сто лет тому назад знамя восстания против ненавистного порядка.

---

2. ПЕРВЫЕ РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ.

Везде и всегда молодежь горячее отзывается на новые явления жизни: более чутко воспринимает их, более решительно готова за них бороться. Так было и сто лет тому назад. Когда в России повеяло новым духом, когда события Французской Революции отозвались во всей Европе, раньше всех воспламенились юные сердца. Подрастающее поколение дворянства с ранних лет слышало рассказы о политических переворотах, о свободе, о конституциях; из уст отцов и дедов оно ловило критику правительственных действий, возмущение деспотическим Павлом, разговоры о планах молодого Александра. Нередко к мальчикам и юношам приглашали иностранных учителей, которые читали с ними французские и немецкие книги, рассказывали о революционных событиях, разбирали старые и новые порядки. Некоторые из этих учителей были горячими поклонниками свободы и пламень своей души старались перелить в умы своих воспитанников. Дети дышали новым воздухом,—играя учились разбираться в политике. Накануне войны с Наполеоном несколько юношей, будущих „декабристов", образовали полудетское „тай-

ное общество": они решили покинуть старый мир, переселиться на остров дикарей и, просветив его жителей, учредить среди них счастливую республику. На тайных собраниях „заговорщики" обсуждали будущие законы свободы, равенства и братства; каждый готовился к предстоящей ответственной работе...

Постепенно детские мечты принимали более глубокий и серьезный характер. Когда разразилась война с Наполеоном, все молодое дворянское поколение очутилось в рядах сражающейся армии. Новые сильные впечатления обогатили их внутреннюю жизнь: боевые походы, постоянные встречи с опасностью, пожар Москвы, отступление „непобедимой" французской армии, наконец, вторжение русских полков сначала в Германию, потом во Францию. Сколько новых событий и новых лиц, какое разнообразие положений и обстановки промелькнуло перед образованными русскими офицерами! Перешагнув через границу, они увидели перед собой иную культурно-европейскую жизнь, о которой когда-то читали в увлекательных книжках. Особенно интересной была для них Франция,— страна недавних великих событий. „Молодые люди, проведшие бо́льшую часть своей жизни в единообразии отдаленных русских уездных городов или среди шумных вакханалий [1]) и пиршеств столичных, увидели вдруг на цветущих берегах Луары и Гаронны [2]) новый и лучший мир, прелестям коего они предались с восторженностью",—вспоминал впоследствии один из „декабристов". В чем же заключался этот „новый и лучший мир"? Не только в богатстве и красоте городов, но и в сравнительной зажиточности населения, в оживлении политической жизни, в заседаниях народных депутатов, в свободных речах ораторов, в

---

[1]) Вакханалия пирушка.

[2]) Луара и Гаронна реки во Франции.

свободных статьях ежедневных газет. На глазах русской, армии и под ее давлением был низвергнут император Наполеон; новый французский король был ограничен конституцией; все общество волновали политические события дня. Собрания, празднества, народные демонстрации—жадно воспринимались русскою молодежью; многие офицеры завели знакомства с писателями, учеными, политическими деятелями; некоторые вступили в иностранные общества; другие, по окончании войны, предприняли самостоятельные путешествия по Европе. В России они учились политической грамоте по книжкам, по рассказам; теперь они прошли живой курс политического образования, который неизгладимо врезался в их молодые умы. Они возвращались на родину другими людьми, созревшими для политической мысли. Миновало время детских игр и мечтаний, взгляд на жизнь стал углубленнее и шире.

Какие впечатления встретили дворянскую молодежь в самодержавно-крепостной России? Они не узнали своей старой родины,—она предстала перед ними в новом и мрачном свете. Бесконечно-безлюдные пространства, непроезжие и непролазные дороги, нищие деревни, жалкие города, а главное жестокий произвол власти и всеобщее беспросветное рабство. Горды́е своими победами, полные богатых и ярких впечатлений, молодые офицеры оглянулись вокруг себя и почувствовали стыд за свою родину. На каждом шагу их ждали горькие разочарования. И эти родные впечатления тоже не проходили даром. Вот один из тех мелких случаев, которые глубоко западали в сознание молодежи. В Петербург возвращались гвардейские полки. Впереди гарцовал император на славном рыжем коне, с обнаженной шпагой, которую он готовился опустить перед императрицей. „Мы им любовались, — рассказывает один из „дека-

бристов", — но в самую эту минуту почти перед лошадью перебежал через улицу мужик. Император дал шпоры своей лошади и бросился на бегущего с обнаженной шпагой. Полиция приняла мужика в палки. Мы не верили собственным глазам, и отвернулись, стыдясь за любимого нами царя. Это было во мне первое разочарование на его счет". И чем внимательнее присматривалась образованная молодежь к родным картинам, тем чаще вспоминала этот знаменательный образ: самодержавная власть стала представляться ей в виде гневного царя, грозящего народу обнаженной шпагой; народ — в виде испуганного мужика, которого полиция „принимает в палки". Почему этого нет в Западной Европе? почему Россия — такая отсталая, убогая и рабская страна? Вот вопросы, которые настойчиво стучались в молодые умы.

Ответов на эти вопросы искали там же, где ищут и теперь: в изучении серьезной политической литературы. Молодежь с особенным увлечением отдалась чтению иностранных книг — о реформах и революциях, о монархии и республике, о свободе и рабстве. Читали не всегда в одиночку: боевая жизнь, совместная служба завязали крепкие товарищеские связи; у всех были общие интересы, всех об'единяли одинаковые запросы. Хотели поделиться своими мыслями в кружке друзей, сообща обсудить неразрешенные и трудные вопросы. Реже стали выезжать на светские праздники и балы, чаще собирались у своих однополчан, у близких знакомых,— беседовали, спорили, обсуждали новые европейские события, старались разобраться в богатых впечатлениях последних лет. Вскоре по возвращении из-за границы, в Семеновском полку в Петербурге образовалась целая „артель" из молодых офицеров: в промежутки между военными учениями собирались в

полковом помещении, чтобы вскладчину пообедать и кстати поговорить на политические темы; артель выписывала иностранные журналы и газеты; один читал—другие слушали; шумные непринужденные беседы заканчивали собой эти дружеские собрания.

Мысль неустанно работала и приводила к одному основному выводу. Декабрист Каховский хорошо выразил его в одном из своих писем: „Народы постигли святую истину, что не они существуют для правительства, но правительства должны быть для них устроены. И вот причина борений во всех странах... Свобода—сей светоч ума, теплотвор жизни!—была всегда и везде достоянием народов, вышедших из грубого невежества. И мы не можем жить подобно предкам нашим, ни варварами, ни рабами". Что же делать? Нужно стараться поднять и обновить отсталую и рабскую Россию, прежде всего — расковать крепостные цепи и учредить народное правление.

Сначала образованная молодежь с надеждою и доверием смотрела на императора Александра. Казалось, он разделяет их стремления и взгляды. Еще недавно, обратившись к полякам с публичной речью, он громко, во всеуслышание, заявил им, что готовит России „свободные учреждения". Одним из его доверенных лиц вырабатывается текст „конституции". Он, бывший воспитанник республиканца, не может видеть всех „мерзостей" крепостного права, всех ужасов царящего произвола, казнокрадства и лихоимства. Если он медлит, то поневоле: его окружают своекорыстные царедворцы, он чувствует себя бессильным и одиноким. Необходимо разбить эту мертвую преграду, преодолеть „староверство закоснелого дворянства" и новая жизнь заиграет на русских равнинах—без революций, без крови, без лишних страданий. Эта мечта о мирном преобразовании России еще звучит в стихотворении молодого Пушкина:

Увижу ль я, друзья, народ не угнетенной
И рабство, падшее по манию царя,
И над отечеством свободы просвещенной
Взойдет ли, наконец, прекрасная заря?..

Чтобы приблизить прекрасную зарю свободы, дворянская молодежь старалась теснее сомкнуться, решительнее и громче высказывать свои взгляды, влиять на мнения окружающего общества. Заводили политические разговоры в аристократических гостиных, вступали в споры с отсталыми староверами, привлекали на свою сторону новые ряды молодежи. Удобнее всего было достигнуть этой цели на тайных собраниях „масонских лож“, которые существовали в это время в России и за границей. Задолго до Французской Революции, когда в воздухе уже носились идеи равенства и братства, поклонники этих идей стали образовывать в Европе тайные общества. Задачею таких обществ было укрепить между людьми братские отношения равенства и любви. В общества (их называли „ложами“) сходились люди разных сословий и положений — знатные и простые, богатые и бедняки; сходились, как равные, как друзья, стараясь в частной жизни и в общественной работе сохранить те же отношения любовного и братского общения. Мы — франк-масоны (вольные каменщики), — говорили члены тайных лож, мы строим новый великий храм, не внешний — из камня и дерева, а внутренний — из братских чувств и добрых поступков. Наша цель — охватить своим влиянием все человечество, переродить себя и людей нравственным светом помощи и любви. Совместными усилиями и мирным путем мы преобразуем всю жизнь, сделаем ее чище и радостнее. Масоны занимались на собраниях торжественными церемониями, принимали членов после испытаний и клятвы, придавали большое значение внешней обстановке, которая действует на

чувство. Масонские ложи были различны: одни из них носили мирный, религиозно-нравственный характер, другие проникались политическими идеями и превращались в тайные революционные союзы.

Масонские ложи существовали и в России; увлеченное европейской модой, русское дворянство стало устраивать их еще в XVIII веке. Некоторые ложи носили серьезный характер и состояли из глубоко-убежденных людей. Но большинство лож возникало из подражания европейским; внешние церемонии и веселые ужины преобладали в них над нравственным самосовершенствованием. В общем, эти тайные общества были безвредны и неопасны для правительства; о них знали и их терпели. Дворянская молодежь решила воспользоваться этими готовыми организациями; таким путем надеялись об'единить людей нового образа мыслей, привлечь к ним новые слои и оказать воздействие на правительственную политику. Целый ряд передовых офицеров, будущих „декабристов", записываются в ложи „Соединенных Друзей", „Трех Добродетелей", „Пламенеющей Звезды". Они встречаются здесь с крупными сановниками, с представителями аристократии, с людьми различных взглядов и положений. Но очень скоро новообращенные политики-масоны разочаровываются в своих планах: они убеждаются, что обстановка и характер масонских лож не соответствуют их политическим стремлениям, что проповедь политического и гражданского освобождения не находит сочувствия в масонских „братствах". У молодежи возникает план образовать особое тайное общество,—по образцу масонского, — которое поставило бы себе иные, чисто политические задачи. Нужно собрать единомышленников, связать их крепкой связью клятвенного обета и повести дружную работу над преобразованием умов и порядков. Эта мысль осуществилась зимою

1816 года: несколько гвардейских офицеров[1]), близко знакомых и доверявших друг другу, основали в Петербурге тайное „Общество истинных и верных сынов отечества“ (некоторые называли его „Союзом Спасения“). В задачи общества входило — подготовить Россию к новой форме правления, к ограничению царской власти. Но эта цель сообщалась не каждому: она составляла тайну, которая была известна только основателям и более надежным членам. Вновь вступающим говорили, что общество должно подвизаться на общее благо, способствуя улучшению и преобразованию своей родины. Каждый новичок приносил торжественную клятву остаться верным этой великой цели и свято сохранять ее тайну. С этих пор он считался „братом“, посещал заседания и старался всеми своими действиями помогать поставленной цели. Постепенно ему открывали основную задачу общества и после новой торжественной клятвы он переходил во вторую степень — делался зрелым „мужем“. Общество управлялось группой „бояр“, учредителей и идейных вождей передовой молодежи. Оно имело особый устав — изложение своих целей и правил своей деятельности, обставляло свою работу разнообразными церемониями и по внешности напоминало масонскую ложу.

„Союз Спасения“ был первой, зачаточной формой революционного движения. Его руководители, не говоря уже о рядовых членах, еще не успели выработать ясные политические взгляды; будущее рисовалось им неопределенно, мечты о мирном обновлении государства заглушали первые боевые порывы. Но уже здесь, в этот ранний период движения, некоторые молодые члены выступали с горячими революцион-

---

[1]) Гвардейскими назывались полки, предназначенные для охраны личной особы царя.

ными предложениями—не возлагать надежд на императора, который обманул народную любовь, а устранить его с дороги вооруженной рукой.

Однако большинство членов не соглашалось с такими взглядами. Вера в царя еще не была убита, насильственная революция казалась ненужною и опасною. Надо действовать иначе — привлекать как можно больше сторонников, завоевывать общественное мнение, оказывать поддержку хорошим начинаниям правительства. Не надо церемоний и клятв—зачем эти масонские побрякушки? Будем действовать более открыто, возьмем пример с немецкого „Союза Добродетели", который оказал такую важную помощь мирному преобразованию Пруссии. Так говорило большинство,—и в конце концов это мнение победило.

Осенью 1818 года, когда гвардейские полки на время переехали в Москву, общество перестроилось на новых началах: откинуло масонские формы, точнее определило свои задачи, составило новый устав (Зеленую книгу) и приняло название „Союза Благоденствия". Образцом для устава послужила программа немецкого „Союза Добродетели", тайного, но мирного общества, которое за десять лет до этого существовало в Пруссии. „Союз Добродетели" об'единял сторонников мирного преобразования—отмены крепостного права, обновления администрации, распространения знаний; но он не хотел порывать с монархией и ставил своей задачей поддерживать и охранять ее от всяких революционных нападок. Русская передовая молодежь изменила этот устав,—в „Зеленой книге" Союза Благоденствия ничего не говорилось о поддержке монархии, но очень много—о развитии промышленности и торговли, об улучшении судов, о просвещении народа, наконец, об устройстве всяких благотворительных учреждений (больниц, приютов, мастерских для безработных). Общество оставалось

тайным, но его устав носил мирный характер, а деятельность еще не была революционной. По-прежнему члены общества старались везде и всюду распространять передовые взгляды, клеймили дурные стороны управления, говорили о необходимости покончить с крепостным рабством. Офицеры старались уничтожить в своих полках телесные наказания и поддерживали хорошие отношения с солдатами. Многие заводили в войсках школы грамоты и, обучая солдат, старались укрепить в них чувство достоинства и самоуважения. Некоторые члены, имевшие собственные имения, пытались улучшить положение своих крепостных. Были и такие, которые готовились освободить своих крестьян. Но главная мысль, которая вдохновляла виднейших членов общества, была все та же: освободить Россию, ввести представительное правление, установить новый политический порядок. Об этой цели не говорилось в „Зеленой книге", но она продолжала невидимо жить в умах и сердцах молодежи. И чем больше петербургские офицеры вчитывались в иностранную литературу, чем чаще и горячее они спорили, тем яснее становилась для них необходимость борьбы. Разговорами и спорами не обновить России—борьба нужна, борьба неизбежна, и нужно ее начать.

Время шло, а обещанной царем конституции все не было. Политика Александра явно поворачивала на старую дорогу. Аракчеев уже сжимал Россию своим солдатским сапогом. В армии вводились суровые порядки, все больше и больше подтягивали солдат, терзали их непрерывными учениями, колотили палками и за плохую стойку, и за нечеткий шаг; все заботы царя были обращены на фронтовую выправку и беспрекословное повиновение. Что думает царь, чего он ждет, чего он хочет? Почему он так мало заботится о России и так много внимания отдает

иностранцам? Зачем он скачет то в Пруссию, то в Австрию, оставляя на произвол судьбы свою страну? Где его былые мечты о вольности? Или он хочет превратиться в такого же тирана, каким был его убитый отец?

Такие разговоры все громче и громче раздавались среди образованного офицерства. Они перешли в целую бурю возмущения и протеста, когда в Петербурге, в 1820 году, разразилась так называемая „семеновская история". Солдаты Семеновского полка—лучшего из полков царской гвардии,—доведенные до отчаяния жестокостью своего командира, решились на активные действия. Благодаря походам, пребыванию за границей, влиянию передовых офицеров—это были уже не те солдаты, что раньше. Насилия и унижения, которым подвергал их полковник Шварц, толкнул их на решительный шаг: первая рота заявила общий протест против подобного обращения, а когда смельчаков увели и рассадили в крепость, остальные роты отказались повиноваться своим командирам. Сочувствие общества было на стороне солдат, но власть посмотрела на это дело иначе. Когда Александра известили об этом событии (царь находился в это время за границей), он решил, что возмущение семеновцев—не дело рядовых солдат: здесь действует иная, тайная рука, которая готовится посягнуть на его власть. Было назначено строгое расследование, часть офицеров посажена в крепость, другие разосланы по армейским полкам; „зачинщики" из рядовых были прогнаны „сквозь строй"[1]) и отправлены на каторгу; остальные солдаты были размещены по сибирским и кавказским полкам в условия строгого надзора и взысканий.

---

[1]) Прогнать сквозь строй—значило провести виновных между двумя шеренгами солдат, которые били их палками или плетьми.

За этой суровой расправой последовал еще более крутой поворот правительственной политики. Между царем и передовой военной молодежью разверзлась целая пропасть. Александр все подозрительнее относился к дворянскому обществу, все больше пренебрежения обнаруживал к России. Его ничто не интересовало, кроме религии и иностранной политики. Он окружает себя ханжами и изуверами, поручает чистку университетов от'явленным мракобесам, старается превратить студентов не то в солдат, не то в монахов. В иностранной политике он поддерживает врагов нового порядка и соглашается на вооруженное подавление европейских восстаний. В России он действует руками Аракчеева, который заслоняет своей спиной царя и применяет самые деспотические и жестокие меры. Тайная полиция опять в почете; начинаются доносы и аресты; от всех чиновников и офицеров отбирается подписка о выходе из тайных обществ. Политические тучи сгущаются, мрачная полоса начинается в истории России.

Вера в царя разбита, надежды на мирное обновление разрушены. Что же делать? куда итти? Эти вопросы ребром становятся перед членами „Союза Благоденствия". Нерешительные колеблются, более убежденные и смелые делают неизбежный вывод: остается единственный путь—революционной борьбы, которая должна коренным образом перестроить самодержавно-крепостное государство.

Взоры образованного офицерства прикованы к Европе: там, на равнинах Испании, в португальских горах, на цветущем побережьи Италии, кипят новые революционные бои. Там существовали такие же тайные общества, какие образовались в России; и там военная молодежь прониклась идеями свободы, равенства и братства; в отсталых самодержавных государствах южной Европы она составила заговоры

и начала вооруженную борьбу против деспотизма. Первой поднялась Испания: молодой офицер Риего увлек за собой солдат и офицеров армии, и во главе революционного легиона[1]) прошел через всю страну; его порыв нашел себе ответный отклик в нескольких городах; несмотря на все испытания и поражения повстанцев, король оказался бессильным и присягнул конституции. Действия испанских революционеров воспламенили передовое офицерство в Португалии и Италии: здесь вспыхивают такие же военные восстания и так же победоносно водружается знамя свободы. Везде и всюду побеждают идеи Французской Революции: все конституции принимаются по образцу французской. Революция не умерла,—она живет, она воскресла в военных движениях молодых европейских государств. Теперь—черед России; путь движения указан: без потрясений и гибельных переворотов, дисциплинированной военной силой, ее революционным выступлением должна быть преобразована отсталая страна.

Такие мысли теснились в головах передовых офицеров. Но размышления шли дальше: можно ли верить присягающим монархам? надежны ли их обещания? прочны ли монархические конституции? И на эти вопросы так же ясно отвечали европейские события. При поддержке европейских государей (в том числе русского императора), испанский король растоптал данную конституцию, схватил смелого пламенного Риего и подвергнул его позорной казни. Примеру Испании последовал король неаполитанский. Свобода снова низринута, тираны опять у власти! А если так,—не будем повторять ошибок прошлого: свобода и монархия не совместимы; чтобы завоевать новый мир,—надо перешагнуть через трупы королей.

[1]) Легион—военный отряд.

Декабрист Пестель так вспоминал впоследствии об этом времени: „Происшествия в Неаполе, Гишпании и Португалии имели тогда большое на меня влияние. Я в них находил, по моим понятиям, неоспоримые доказательства в непрочности монархических конституций и полные достаточные причины к недоверчивости к истинному согласию монархов на конституции, ими принимаемые. Сии последние соображения укрепили меня весьма сильно в республиканском и революционном образе мыслей". Все чаще Пестель и его друзья рисовали себе „живую картину всего счастья", каким воспользуется республиканская Россия; восхищение и восторг охватывали их молодые сердца...

Однако не все члены „Союза Благоденствия" переживали такое настроение: многие и многие представители молодого дворянства остановились в раздумьи и нерешительности перед роковою чертой. Революционная борьба казалась им опасною, противоречила привычкам и воззрениям обеспеченного барства. Поставить на карту все свое будущее, отречься от спокойного и радостного существования, резко порвать со старым и близким миром—на это они не решались. Они слишком дорожили своими дворянскими связями, своей служебной карьерой, своим семейным уютом; тяжелая жертва страшила их и сковывала их волю. Да и можно ли надеяться на успех? Способна ли кучка офицеров произвести политический переворот? Не обернется ли восстание против них самих? Сомнение и неверие в свои силы охватывали некоторых членов тайного общества. Повсюду кипели споры, „Союз Благоденствия" все резче расслаивался на два течения: революционное меньшинство стремилось вперед, к более активной деятельности; часть членов заметно отставала и собиралась покинуть ряды революционеров.

В январе 1821 г., в Москве, был созван с'езд представителей от разных „управ" „Союза Благоденствия" (к этому времени тайное общество раскинуло свои отделения по провинции, преимущественно на юге). На с'езде ясно обнаружились накопившиеся разногласия и наметился неизбежный раскол. Чтобы выйти из создавшегося тупика, с'ехавшиеся депутаты об'явили о роспуске „Союза" и о прекращении всякой деятельности. Таким образом затянувшийся узел был разрублен одним ударом. Масса нерешительных членов отпала сама собою. Но активные члены не бросили начатой работы: на развалинах „Союза Благоденствия" они основали новые тайные общества, которые вступили на явно-революционный путь. Кончилось время мирных надежд и мечтаний—впереди открывалась дорога борьбы, полная грозных опасностей и тревожного риска.

---

3. РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ОБЩЕСТВА.

После закрытия „Союза Благоденствия" образовалось два революционных центра: один—на севере, в Петербурге, другой—на юге, в Подольской и Киевской губерниях, в месте расположения второй армии. Это были революционные осколки старого „Союза", которые начали новую и независимую друг от друга жизнь. Их учредили старые товарищи и друзья, которые преследовали одни и те же цели: добиться политического и гражданского освобождения России—свергнуть самодержавие и отменить крепостное право. Но между Северным и Южным обществами не было ни внешнего, ни внутреннего единства: каждое управлялось самостоятельно, в каждом преобладали свои стремления.

Северное общество состояло преимущественно из гвардейских офицеров; многие из его членов принадлежали к знатным фамилиям: некоторые носили княжеские и графские титулы. Большинство северных революционеров имели обеспеченные средства, владели крепостными, поддерживали связи в дворянских кругах столицы. В их среде было не мало образованных и даровитых людей—писателей, поэтов, даже

ученых. Постепенно в эту блестящую среду вливалась подрастающая молодежь, которую захватывали передовые идеи... Во главе была поставлена Дума, которая состояла из трех „распорядителей“. Северное общество воскресло не сразу,—как будто колебания ушедших членов „Союза“ передались оставшимся сторонникам революции. Северяне, вообще, были медлительнее и умереннее в своих действиях: их социальное положение заметно сдерживало их порывы, налагало определенный отпечаток на их воззрения и планы деятельности. Слишком сильна была связь между обеспеченным дворянством и молодыми выходцами из его среды. Но и здесь, в этой петербургской, полу-аристократической среде, кипели революционные страсти, готовились к боевым выступлениям.

Действительными вождями Северного общества были Никита Михайлович Муравьев и Кондратий Федорович Рылеев. Первый из них—гвардейский капитан, представитель богатой и влиятельной семьи — был одним из старейших основателей тайных кружков. Прекрасно образованный, начитанный и умный, он не отличался пылким характером. Его любимые занятия были—за письменным столом, и некоторые из друзей считали его слишком серьезным и холодным. Но у Никиты Муравьева было одно большое преимущество: он постоянно размышлял над политическими вопросами, изучал все европейские конституции и был охвачен одним стремлением: создать такую конституцию, которая была бы лучшей из всех и больше всего подходила бы к русским условиям. Это был революционный теоретик, умственный вождь, который ясностью своей мысли превосходил своих товарищей. Ему верили и его уважали; даже противники, не соглашавшиеся с его планами, отдавали должное его литературным работам.

Кондратий Федорович Рылеев.

Рылеев был человеком совсем другого склада. Молодой и увлекающийся, он весь горел внутренним пламенем. Энтузиазм свободы составлял основу его душевной жизни. Он не умел высиживать часами за кабинетным столом, в его воззрениях не всегда была ясная связь. Но его чувства были искренни и заразительны, его личность—чиста и обаятельна. Талантливый поэт, он неустанно воспевал свободу; в своих волнующих стихах он призывал к борьбе и подвигам; он отрекался от личного счастья во имя прекрасной идеи, он готов был принести себя в жертву:

Известно мне: погибель ждет
Того, кто первый восстает
На утеснителей народа;
Судьба меня уж обрекла.
Но где, скажи, когда была
Без жертв искуплена свобода?
Погибну я за край родной,—
Я это чувствую, я знаю,
И радостно, отец святой,
Свой жребий я благословляю!

Чтение стихов Рылеева воспламеняло молодые сердца, а его постоянный горячий порыв вперед увлекал и захватывал. Никита Муравьев был мыслителем, Кондратий Рылеев—живым и горячим деятелем. Со времени его вступления в Северное общество, оно заметно встрепенулось, оживилось и стало распространять свое влияние на новые и новые слои подрастающего поколения.

Одни из членов общества ближе напоминали Никиту Муравьева— таков был начинающий ученый Николай Тургенев, или серьезный и вдумчивый Торсон; другие, как пламенный Каховский, или юный поэт Одоевский, по искренности и силе своего чувства больше подходили к Рылееву.

В настоящее время каждая политическая партия имеет свою программу: программа определяет задачи

и деятельность об'единившихся людей. Северное общество понимало, что для успеха дела необходимо единство политических взглядов: нужно сговориться о плане будущего преобразования России, выработать наилучшую конституцию. На тайных собраниях шли оживленные беседы на эту тему. Особенно интересовали членов общества четыре основные вопроса: какую форму правления воспримет обновленная Россия,—республики или конституционной монархии? [1]) остаться ли России единым и нераздельным государством, или образовать федерацию, т.-е. союз отдельных областей? кто должен числиться полноправными гражданами—все население, или только некоторая его часть? как освободить крестьян — с землей или без земли? Мнения разделялись: одни решительно высказывались за республику (к таким принадлежал Рылеев), другие считали возможным сохранить монархию, превратив царя из самодержавного деспота в подчиненного чиновника; одни стояли за сохранение государственного единства, другие считали, что только в союзном федеративном государстве может сохраниться свобода; каждый ссылался на иностранную конституцию, которая больше всего отвечала его воззрениям. Эти живые споры не прекратились до самого восстания; Северное общество так и не успело выработать единой общеобязательной программы. Полнее всего отразились взгляды северных революционеров в работах Никиты Муравьева: он непрерывно обдумывал свое сочинение, читал его отдельным членам, выслушивал возражения, вносил поправки, составлял новые наброски. Но и он не успел завершить своей работы: его конституция осталась незаконченной и дошла до

---

[1]) Т.-е монархии, ограниченной законодательной властью народных депутатов.

нас в различных несогласованных списках. Но это— замечательный документ, который знакомит нас с преобладающими стремлениями Северного общества.

Как же представлял себе Никита Муравьев будущую свободную Россию? Какие идеи вдохновляли его при составлении его плана?

Никита Муравьев—прежде всего поклонник свободы и враг всякого деспотизма. Во имя свободы он хочет разделить Россию на 15 самостоятельных держав, которые должны быть связаны общими законами и некоторыми об'единяющими учреждениями. Он боится, что если Россия останется нераздельной державой с громадным войском и могущественной властью, свободе не бывать—она исчезнет под давлением этой центральной власти. Обновленная Россия должна быть федерацией по образцу Северо-Американских Соединенных Штатов.

Во имя свободы Никита Муравьев хочет разделить государственную власть между разными учреждениями—иначе власть будет слишком могущественной и начнет деспотически теснить отдельных граждан; издание законов надо передать свободно избранным народным депутатам, исполнение этих законов поручить ответственному и подчиненному монарху, а судебную охрану этих законов, преследование за их нарушение—возложить на особых выборных судей. Хозяином страны, источником его верховной власти, должен быть только народ: народ выбирает депутатов в Народное Вече всего государства и в представительные собрания отдельных держав; народ утверждает на троне каждого нового императора и принимает от него присягу на верность; народ выбирает чиновников и судей. Император командует армией, управляет чиновниками, но он сам—только „верховный чиновник" на жалованьи; он отдает Народному Вечу

отчет в своих действиях, а в случае выезда за границу даже лишается своей власти.

Во имя той же свободы Никита Муравьев старается обеспечить личность каждого гражданина от посягательств государственной власти; каждому человеку принадлежат неот'емлемые права, которых никто у него не смеет отнять; никого нельзя сделать рабом или крепостным другого; ни один чиновник не может обыскивать или арестовывать гражданина, если на это нет определенного разрешения в законе; каждый вправе свободно высказывать свои мысли, устно и письменно; нельзя запрещать или стеснять верования отдельного человека; граждане имеют право без всякого разрешения основывать всякие общества и союзы; каждый волен избрать себе любое занятие и передвигаться в любое место государства.

Народ, по конституции Муравьева,—верховная правящая сила. Но кто же этот „народ“,—все ли жители государства? Нет, отвечает Муравьев, не все: за каждым признаются личные права, каждый гражданин свободен, законы—одинаково обязательны для всех, но не всякий принимает участие в политической жизни, т.-е. избирает и избирается в государственные учреждения. Кто же исключается из числа полноправных граждан? Прежде всего—женское население России, затем — кочующие инородцы; лица, не имеющие определенной оседлости; неисправные плательщики налогов; прислуга; а через 20 лет после введения конституции—все необучившиеся грамоте. Остальные участвуют в политической жизни, но на разных правах: каждого можно избрать в „нижнюю палату“ государства или отдельной державы (собрания депутатов должны были состоять из двух палат—верхней и нижней); но избирать могут только те, которые имеют собственность: недвижимую (землю, дома)—на 5.000 р., или движимую (деньги, вещи) –

на 10.000 р.; высшие чиновничьи посты и места в верхних палатах могут занимать только крупные собственники, имеющие на 30.000 р. недвижимости или на 60.000 р. движимого имущества. Таким образом в издании законов, в проверке действий императора, в избрании чиновников и депутатов участвует не весь русский народ: Никита Муравьев отдавал преимущество обеспеченным людям и прежде всего землевладельцам. Здесь сказывалось его дворянское происхождение, его связь с классом богатых помещиков. Единственное исключение допускалось им для некоторых разрядов крестьян: „общие владельцы" (т.-е. собственники общинных земель из бывших казенных крестьян) имели право назначать на сходах „избирателей" (по 1 на 500 человек), а эти избиратели—выбирать депутатов. Таким образом 500 крестьянских голосов весили столько же, сколько голос одного помещика или капиталиста.

Поклонник свободы, Никита Муравьев не был таким же горячим и верным поклонником равенства. Это сказалось не только в его избирательном законе, но и в другом важном вопросе,—как освободить крестьян, с землей или без земли? Сначала Никита Муравьев оставлял за помещиками все земли без исключения; впоследствии он решил, что усадебную землю необходимо отдать крестьянам; под конец, после настойчивых возражений своих товарищей, он изменил свой проект: крестьяне должны были получить не только усадьбу, но и пахотную землю, только в очень незначительном количестве—по 2 десятины на двор. Этот крохотный надел вводился „для оседлости" крестьян: Никита Муравьев заботился о том, чтобы помещики не остались без рабочих рук и имели под рукой выгодных арендаторов. И здесь в теоретике Северного общества сказался прежде всего помещик. Все симпатии Муравьева были на стороне

частной собственности; в его глазах освобождение России должно было оказать могучий толчок развитию буржуазных, капиталистических отношений. И самая конституция, которую он написал, была на половину сколком с знаменитой конституции французской буржуазии 1791 года.

Труд Муравьева не получил всеобщего признания в Северном обществе. Многие не соглашались с его избирательным законом, другие спорили против сохранения монархии, третьи считали весь проект — неосуществимым. Но все-таки Муравьев сохранял значение идейного вождя и об'единял вокруг своих взглядов большинство своих товарищей.

Помимо программы очень важна твердая и ясная тактика политической партии — план ее действий, приемы ее борьбы. Об этом тоже немало спорили на петербургских собраниях. И здесь Никита Муравьев оказывался умереннее многих членов: он говорил, что не надо торопиться, что необходимо возложить главные надежды на „общее мнение"—распространять революционные взгляды, постепенно подготовлять умы. Но не все разделяли такие планы: более энергичные, во главе с Рылеевым, призывали к вооруженному восстанию и насильственному перевороту. Все были согласны, что восстание должна совершить армия под руководством членов тайного общества; нет надобности вести пропаганду среди солдат, это—излишне, да и опасно: масса и так послушно пойдет за своими любимыми командирами. Нужно избежать кровавых потрясений, предупредить страшную „пугачевщину": быстро арестовать царскую фамилию, созвать Великий Собор (учредительное собрание) и предложить ему обсудить составленную конституцию. Находились более пылкие, которые предлагали себя в жертву отечеству: они вызывались самолично убить Александра, чтобы „устранением тирана" подготовить

почву для будущего переворота. Но эти смелые предложения не встретили всеобщего сочувствия. Споры о тактике не успели привести к единодушным решениям: только накануне восстания был принят определенный план боевых действий. Пока употребляли все силы на распространение революционных идей и привлечение новых членов. У всех было желание найти себе опору в окружающем обществе, особенно среди влиятельного дворянства. Действительно, многие сочувствовали идеям Рылеева, и особенно Муравьева: не только молодежь, но и люди зрелого возраста исповедывали те же самые взгляды. Революционное общество поднялось на гребне большой общественной волны, которую вызвали новые хозяйственные и политические условия. Но сочувствие передового меньшинства не переходило в активную борьбу, не вызывало революционной энергии. Да и сила этой волны была далеко недостаточна: ее окружало еще спокойное море застоя и косности; первые порывы подувшего ветра не могли еще поднять революционной бури. Сами революционеры побаивались такой сокрушительной бури: они с опаской оглядывались в сторону крестьянства и не хотели возбуждать его самостоятельного движения.

Вот почему, несмотря на благородные и искренние порывы, члены Северного общества испытывали иногда ощущение неуверенности и бессилия. Бывали минуты, когда они чувствовали себя одинокими и колебались в собственных планах. Им не хватало твердой общественной опоры и крепкого внутреннего единства.

Южное общество во многом отличалось от Северного. Его члены были, по большей части,—армейские поручики, капитаны и полковники, не очень богатые и не слишком родовитые. Это—выходцы из среднего дворянства, не обладающие такими прочными связями в придворных и аристократических кругах.

Среди них—мало блестящих дарований, они—проще, и больше походят друг на друга. Но они—крепче, единодушнее и решительнее. Роль выдающегося вождя играет среди них молодой полковник Павел Иванович Пестель, человек исключительных способностей и огромных познаний. Пестель производил сильное впечатление не только на своих товарищей по тайному обществу: все, встречавшие его на своем пути, признавали его необыкновенною личностью. Ясный и сильный ум он соединял с непреклонною железной волей; поставив себе какую-нибудь задачу, он шел к ней прямо, без колебаний и без уступок; он долго и упорно работал в поисках истины; найдя истину, он верил в нее безусловно и свято. Но этот отшельник, обложенный книгами и бумагами, был в то же время энергичным деятелем, умевшим подбирать и убеждать своих сторонников. Его ясные и стройные суждения были неотразимы,—им покорялись, они возбуждали к действиям, в них чувствовалось глубокая революционная сила. Пестель был одновременно—и теоретиком, и организатором. Он рано вступил в тайные общества и ни разу не сворачивал с пути; его взгляды становились все революционнее, его планы все более решительными. Когда на московском с'езде 1821 г. произошло закрытие „Союза Благоденствия", Пестель продолжал начатую работу и сомкнул вокруг себя революционно настроенных офицеров. Южное общество разбросало свои „управы" в различных местечках и городках, которые были заняты войсками 2 армии—в Тульчине, Каменке, Василькове. Деятельность „управ" об'единялась „Директорией" во главе с самим Пестелем. Время от времени делегаты с'езжались на совещания, большею частью в Киев, во время „Контрактовой ярмарки", в начале каждого года. Здесь делались взаимные отчеты, вырабатывались общие планы, устанавливалось единство в действиях.

Южное общество не имело выработанной общеобязательной программы, так же, как и Северное. Но у него была своя неписанная программа, которую неустанно проповедывал Пестель. В отличие от Никиты Муравьева, Пестель был решительным республиканцем и находил, что освобождение России может быть достигнуто единственным путем—военного восстания и революционной диктатуры. Пестель не верил ни в какие договоры с царями и считал, что зло должно быть уничтожено с корнем: без истребления всей императорской фамилии обновленная Россия не может быть спокойна. Захватив власть, тайное общество должно властной рукой предотвратить всякие междоусобия и всякие попытки своих врагов: постепенно временное революционное правительство разрушит старый порядок и установит новый, разумный и счастливый строй. Чтобы облегчить этот глубокий переворот, необходимо заранее обдумать план преобразования и изложить его в виде наказа временному правительству. Придя к этой мысли, Пестель решил составить такой наказ; дни и ночи сидел он за этой работой, не раз дополнял и переделывал ее, читал ее своим товарищам (а в отрывках—и посторонним), выслушивал возражения, вносил новые поправки. Несколько лет провел Пестель за этим усидчивым трудом. Подобно Муравьеву, и он не кончил своей конституции. Она дошла до нас в разнообразных отрывках, частью законченных, частью—нет. Пестель назвал свое сочинение „Русскою Правдою". Это — документ еще более замечательный, чем конституция Н. Муравьева; она знакомит нас с политическими взглядами, которые преобладали в Южном обществе.

Пестель убежден, что „россияне были доныне несчастными жертвами зловластия прежнего правительства и безжалостной, безрассудной, бессовестной

корысти дворянского сословия". Нужно покончить с этим злополучием и угнетением—установить естественный разумный порядок вещей. Задача каждого государства--заботиться о всеобщем благе; если будут хорошие законы, утвердится и всеобщее благоденствие. В чем же должны состоять эти хорошие законы?

Пестель—горячий поклонник свободы и равенства, но равенство он ставит выше личной свободы. Гражданин будет счастлив, если он будет иметь равные права и, по возможности, равное имущество с другими гражданами; если он будет равноправной частицей целого,—могущественного, единого, крепкого государства.

Во имя равенства Пестель не допускает и мысли о федерации: если предоставить самостоятельность отдельным областям, в государстве начнется разброд, каждая область пойдет своим собственным путем, взаимная связь частей ослабеет, государство потеряет свое могущество и может распасться. Россия должна остаться единою и нераздельною державою. Здесь было первое и важное разногласие между Пестелем и Муравьевым.

Во имя равенства Пестель не хотел признавать никаких самостоятельных прав за отдельными народностями, населяющими Россию. Финляндцы, молдаване, татары, киргизы, национальности Кавказа—все должны раствориться в едином государстве, отказаться от своих местных особенностей, отбросить свои устарелые обычаи, перейти на русский язык, чувствовать себя прежде всего гражданами, прежде всего—русскими. Тогда, действительно, люди сольются в единое крепкое общество, будут частицами могучего целого. Единственное исключение Пестель допускал для Польши: Польша жила когда-то самостоятельной государственной жизнью, ее необходимо выделить из состава России и предоставить собствен-

Павел Иванович Пестель.

ным силам. Евреев, которые с трудом поддаются обрусению, лучше вывести в Малую Азию и помочь им составить свое еврейское государство.

Во имя равенства Пестель не допускает никаких сословных перегородок, никаких чинов и привилегий[1]). Крепостное право немедленно уничтожается, так же, как вредные для народа военные поселения. Дворяне лишаются прежних дворянских прав, а если они воспротивятся такой перемене, то „надлежит принять меры решительные, дабы в полной мере укротить свирепый их нрав". Духовенство превращается в обыкновенных государственных чиновников. Все граждане пользуются одинаковыми правами и несут одинаковые обязанности перед государством — военные и другие.

Наконец, во имя равенства Пестель предоставляет всем одинаковые политические права: каждый гражданин принимает участие в государственной жизни на одинаковых основаниях с прочими; каждый состоит членом какой-нибудь волости, каждый избирает депутатов в „наместные собрания" волостей, уездов и губерний; каждый может сделаться депутатом, заседать в Народном Вече, высшем государственном учреждении, занимать выборные должности. Никаких преимуществ богатым собственникам, никаких ограничений неграмотным: все равны, все полноправны[2]). В этом вопросе Пестель тоже резко разошелся с Никитою Муравьевым.

Но Пестель шел дальше: частную собственность он считал необходимою, но „аристократию богатств" он ненавидел так же сильно, как аристократию знати.

---

[1]) Привилегия — исключительное право, которое дается по закону отдельному гражданину или целому разряду граждан.

[2]) Единственное исключение Пестель допускал для прислуги: он боялся, что человек, находящийся в личном услужении, не может сохранить свободы своих действий.

Его симпатии—на стороне земледельцев, его желание—превратить Россию в страну обеспеченных и крепких хлебопашцев. Он не хочет, чтобы богатый теснил бедного, чтобы удачливые капиталисты наживали себе крупные состояния. Оглядываясь на Западную Европу, он видит там новую грозную опасность: дворянство сметено, но вырастает сила денежного мешка. В России надо избежать этой опасности; ибо задача государства—не „пристрастие к малому числу", а „возможно большее благоденствие многочисленнейшего количества людей в государстве". Решение этого вопроса простое: нужно каждого гражданина обеспечить землей, за каждым укрепить право на безбедное существование. „Человек может только на земле жить и только от земли пропитание получать, следовательно, земля есть собственность всего рода человеческого и никто не должен быть от сего обладания ни прямым, ни косвенным образом исключен". Но с другой стороны, рассуждает Пестель, частная собственность на землю — необходима и полезна: прочное обладание землею повышает энергию и успехи земледельца. Следовательно,—заключает Пестель,—необходимо совместить выгоды общественного и частного владения: в каждой волости земля должна быть разделена на две части: половина отойдет к обществу для наделения всех граждан без исключения, другая половина разойдется по рукам и составит частную собственность отдельных граждан. Каждый гражданин имеет право получить для себя и своей семьи достаточный надел земли из волостного фонда (запаса), не платя за это никаких денег; эту землю он не может ни заложить, ни продать,—она дается ему для прокормления и обеспечивает его личную независимость. С другой стороны, каждый гражданин имеет право невозбранно владеть собственной землей, она не входит в общественный

фонд и составляет его личное достояние. Таким образом вся Россия будет „состоять из одних обладателей земли, и не будет у нее ни одного гражданина, который бы не был обладателем земли". Не будет жалких бедняков и нищих—всеобщее равенство не нарушится. Таков был земельный план Пестеля, резко отличавшийся от помещичьего проекта Ник. Муравьева. Рукою Пестеля водили интересы крестьянства, но он видел лучше и дальше людей своего времени: в его предложениях обобществить часть земельных угодий кроются первые, хотя и слабые зародыши русского социализма.

Поклонник равенства, Пестель был также поклонником свободы, но менее горячим и последовательным. И он, подобно Муравьеву, видел в народе—верховный источник власти, больше того—он не хотел оставлять никаких воспоминаний о прошлом, о монархии, о единоличном правлении. Издание законов он вручал Народному Вечу, собранию народных представителей, свободно избранных всем населением государства. „Никто не может распустить Народное Вече; оно представляет волю в государстве, душу народа". Исполнение законов, т.-е. текущее управление государством, Пестель возлагал не на императора (как Муравьев) и не на президента (как это бывает в больших республиках), а на целую коллегию,—собрание из 5 выборных лиц (так называемую „Державную Думу"). За святостью законов должен был наблюдать особый „Верховный Собор" из 120 выборных „бояр".

Но Пестель понимал свободу иначе, чем Н. Муравьев: он не заботился о том, чтобы охранить свободу и независимость личности гражданина от притеснений могущественной власти, хотя бы и республиканской. Наоборот, он хотел, чтобы эта власть была могучей и сильной, ибо она защищает

„всеобщее благо“: по мнению Пестеля, управляемым подданным нельзя давать полной свободы действий. Нельзя допускать никаких частных обществ, ни открытых, ни тайных; нельзя разрешать частных учебных заведений—воспитание детей должно быть исключительно государственным; свободное завещание имущества должно быть уничтожено—все должно быть определено законом; над действиями граждан необходим постоянный и строгий надзор, ибо мысли и учения, противные законам и вере, должны быть пресекаемы в корне. Полиция есть учреждение необходимое и полезное: ее обязанность—„неусыпно и беспрестанно заботиться о благе общества“. В обновленной России эта задача должна быть возложена на особый „Приказ благочиния“, который действует с помощью тайных агентов и вооруженной стражи.

Так в республиканский проект передового революционера врывалась старая полицейская струя, невольная дань прежним воззрениям и порядкам. Отчасти это об'яснялось тяготением Пестеля к режиму революционной диктатуры, к тактике французских „якобинцев“, боевых революционеров 1793 г. Но для французских вождей поднявшейся массы полицейское насилие было неизбежным и временным орудием борьбы; наоборот, Пестель считал его составной частью разумного и вечного строя. У каждого из составителей конституций, и у Пестеля и у Н. Муравьева были свои ошибки и слабые места.

Но с Пестелем согласились быстро: члены Южного общества были вполне убеждены его доводами и принимали его политические взгляды.

Мало споров вызывала и тактика Пестеля: в противоположность северянам, на юге не придавали значения созыву Великого Собора (учредительного собрания). Революционное меньшинство должно взять

почин в свои твердые руки, опираясь на вооруженную армию, с помощью диктатуры, постепенно ввести новый государственный порядок. При этом следует избежать всяких опасных междоусобий и прежде всего—вовлечения в революцию неорганизованной толпы. Нет надобности вести предварительную подготовку солдатской массы: солдаты пойдут за своими командирами, успех дела зависит от хорошо обдуманного плана руководящих офицеров. Таким образом на юге—так же как на севере,—рассчитывали прежде всего на слепое повиновение энергичным и смелым вождям.

Единство и твердость взглядов составляли важное преимущество Южного общества: они придавали больше энергии и размаха его революционной деятельности. Работа южан развивалась в различных направлениях. Прежде всего, по мнению Пестеля и его товарищей, необходимо было покрепче связаться с Петербургом: южные полки бессильны окончить начатое дело, победоносное восстание зависит от столицы, где находятся и царь, и правительство. Нужно договориться с северянами, вдохнуть в них живую энергию, выработать общие планы, обеспечить совместные действия. Из Южного общества один за другим отправляются делегаты, несколько раз едет сам Пестель. На оживленных собраниях Северного общества обсуждаются вопросы программы и тактики, выясняется возможность об'единения и общей борьбы. Необходимость такого сближения сознавалась всеми, но, несмотря на общие задачи, чувствовалась большая разница во взглядах и настроениях. Пестель настойчиво возражал против планов Ник. Муравьева—особенно его проектов федерации и избирательного закона. С другой стороны, северяне не хотели принять земельных планов Пестеля и, особенно, его предложения установить революционную

диктатуру. Сам Пестель казался некоторым членам Северного общества опасным честолюбцем, который способен пожертвовать завоеванной свободой в интересах личного возвышения. И все-таки влияние Пестеля было неотразимым: горячая струя, которая вливалась с юга, увлекала Рылеева и близкую ему молодежь. Умеренному Никите Муравьеву стоило огромного труда отклонить своих товарищей от немедленного соединения с южанами. В 1824 г. было решено поддерживать непрерывную связь, но отложить соединение еще на два года.

Чтобы обеспечить победу, Южное общество считало необходимым укрепить связь не только с Петербургом, но и с Варшавой: там, в столице Польского королевства, недавно присоединенного к России, существовало свое, польское национальное тайное общество; его задачей было отвоевать революционной борьбой независимость своей родины. Южане напали на след Польского общества, вступили с ним в сношения и начали переговоры о совместных действиях. Было решено, что русские признают независимость Польши, а поляки помогут русским братьям завоевать себе политическую свободу. После нескольких с'ездов договорились о будущих границах и условились о взаимной помощи в решительный момент восстания.

Южное общество не ограничивалось общими разговорами о восстании: каждое лето, при выходе армии в лагерное расположение, создавались определенные планы возмущения войск. Обыкновенно ожидали приезда Александра и предполагали начать движение цареубийством. Следующим шагом должно было явиться наступление восставших войск на крупные городские центры и соединение их с северными революционерами. Такие планы, проникнутые революционною отвагою, исходили, главным образом

Сергей Иванович Муравьев-Апостол.

из „Васильковской Управы". Директором Управы был молодой подполковник Сергей Иванович Муравьев-Апостол, бывший офицер Семеновского полка, сосланный в южную армию после возмущения 1820 года. Прекрасно образованный человек, с глубокими революционными убеждениями, Сергей Муравьев пользовался влиянием и общею любовью; его одинаково ценили и друзья по обществу, и солдатская масса; рядовые его полка, действительно, готовы были итти за ним в огонь и воду. Он действовал не один: его ближайшим другом и помощником был молодой поручик Бестужев-Рюмин, который страстно рвался к немедленной революционной борьбе. Васильковская Управа проявляла больше всего активности: она вела неустанную пропаганду среди офицеров, вербовала все новых и новых членов, не давала заснуть остальным товарищам по Южному обществу.

Одним из важных действий Васильковской Управы было открытие нового революционного центра, который существовал в южных губерниях уже в течение двух лет. Еще летом 1823 года, независимо от Пестеля и его друзей, образовалось новое офицерское общество, тоже поставившее себе революционные задачи. В его состав входило 36 человек,— большею частью молодые прапорщики и поручики пехотных и артиллерийских полков. Выходцы из небогатой дворянской среды, люди простых привычек, они отличались крепкой товарищеской спайкой и ближе стояли к народной массе. Чтение книг и политические беседы были их любимыми занятиями в часы досуга. Они тоже лелеяли мысль о коренном преобразовании России, но представляли его иначе, чем Пестель и Никита Муравьев: они стремились к об'единению всех славянских народов—русских, поляков, сербов и других—в мощный федеративно-

республиканский союз. Правда, этот переворот представлялся им в неопределенном и далеком будущем; значения революционного насилия они не понимали; но они считали необходимой практическую деятельность в массах, воздействие на солдат, непрерывную подготовку умов самого народа. Каждый из членов был обязан часть своего жалованья отдавать на постепенный выкуп крепостных крестьян.

Летом 1825 года, во время лагерной стоянки в местечке Лещине, Сергей Муравьев и его молодой друг напали на следы „Общества Соединенных Славян" (так назывался этот третий союз). Горячими революционными речами они увлекли молодых „славян" и убедили их присоединиться к Южному обществу. „Славяне" впервые узнали о существовании большого заговора, о близости грядущего восстания, о широких планах полного пересоздания России. Захваченные энтузиазмом Бестужева-Рюмина, они отдались встречному потоку и образовали самое крепкое и самое революционное ядро Южного общества. С момента присоединения „славян", революционная энергия старых членов поднялась еще более, еще нетерпеливее стало желание непосредственной борьбы. Общее мнение высказывалось за ускорение переворота: лето 1826 года было намечено для начала решительных действий. Этот срок совпадал с моментом, который указывали и более активные из петербургских членов. Чувствовалось, что волна поднимается и должна обрушиться на твердыни ненавистного царизма. Устоит ли он или рухнет?

Над этим вопросом задумывались не только умеренные северяне, но и многие члены Южного общества. Всматриваясь в положение сложившихся сил, многие испытывали колебания и тревогу. Отсутствие крепкой общественной поддержки чувствовалось и здесь, на юге. И тут были менее убежденные и ре-

шительные. Рядом с горячим энтузиазмом обнаруживались сомнения и нежелание действовать. Но жребий был брошен, отступление было невозможно.

Александр I давно был осведомлен о существовании тайных обществ: не раз ему сообщались списки их членов и сведения об их работе. Но он избегал принимать решительные меры,—может быть опасаясь неминуемого взрыва. Осенью 1825 года ему одновременно было представлено два новых тревожных доноса: положение было обрисовано угрожающим и опасным. В далеком Таганроге, уже охваченный предсмертной болезнью, Александр принял окончательное решение: он отдал приказ произвести немедленные аресты указанных ему офицеров.

---

4. ДЕКАБРЬСКОЕ ВОССТАНИЕ.

Прежде чем царские жандармы успели выполнить приказ Александра, произошло событие, которое сразу изменило создавшееся положение: 19 ноября 1825 года царь умер от лихорадки, вдали от столицы и неожиданно для своих сановников. Весть об этом событии была сообщена курьерами в Петербург, Варшаву и другие пункты страны. Перед всеми внезапно вырос вопрос—кто же будет новым императором? У Александра не было собственных детей, и по закону престол должен был перейти к следующему брату умершего царя, Константину Павловичу. Но Константин заранее, за несколько лет, официально отрекся от престола. Есть основания предполагать, что он сделал это поневоле, под давлением старшего брата: царь считал его неспособным занимать императорский трон, особенно с тех пор, как великий князь Константин женился на обыкновенной польской дворянке. Но торжественный манифест об отречении Константина не был об'явлен всенародно: повидимому, Александр, настроенный уже тревожно, боялся вызвать политические волнения. Все дело было сохранено в строжайшей тайне: о нем было осведомлено только

несколько лиц, особенно близких к особе императора; манифест об отречении был запечатан в пакет и отдан на хранение в московский Успенский Собор, а копии с него—в высшие государственные учреждения. На каждом пакете была собственноручная надпись царя: „В случае моей кончины открыть...прежде всякого другого действия“.

Вследствие устранения Константина, царская власть должна была перейти к следующему брату Николаю, и Александр еще при жизни заводил с ним об этом разговоры. Николай знал, что ему готовится трон, но в глубине души он побаивался этого: всю свою жизнь он провел в военной казарме, командуя полками; хорошего образования он не получил, никакой подготовки к управлению государством не имел; в войсках и в дворянском обществе его не любили за грубость и суровость; пример убитого отца еще носился перед его глазами. Немудрено, что еще заранее, получив известия об опасной болезни Александра, он решил уклониться от власти и быстрой присягой Константину предупредить дальнейшие события.

Александр умер в Таганроге, Николай находился в Петербурге, Константин жил в Варшаве. 27 ноября сообщение о смерти царя дошло до северной столицы. Немедленно, не вскрывая пакета об отречении Константина, Николай об'явил брата императором и принес ему торжественную присягу; в следующие дни были приведены к присяге петербургские полки и гражданские чиновники. Донесение о случившемся было отправлено с фельд'егерем [1]) в далекую Варшаву. Но Константин отказался принять присягу и сослался на свое отречение: ехать в Петербург и об'являть об этом всенародно он тоже не желал; вся эта история

[1]) Фельд'егерь—курьер, посланец императора

была ему не по душе, он ограничился отправкой письма и предпочел остаться в Польше. Фельд'егеря, генералы, великий князь Михаил непрерывно скакали то из Петербурга в Варшаву, то из Варшавы в Петербург. Расстояние было громадное, дороги—плохие; время шло, переговоры затягивались, создавалось положение неопределенного „междуцарствия". „Русская корона подносится как чай, а никто не хочет",—острили в петербургских гостиных. Царская фамилия играет престолом, как мячиком,—возмущались другие; для них Россия—семейное достояние, предмет имущества, не более... Чем дальше, тем громче и резче раздавались протестующие голоса; толки о событиях дня были повсюду; никто не хотел воцарения Николая, особенно волновалась обиженная им гвардия.

Создалась необыкновенно удобная обстановка для совершения политического переворота. События всколыхнули Северное общество и ребром поставили перед ним вопрос о вооруженном восстании. „Теперь или никогда!"—воскликнул Рылеев, и этот призыв восторженно подхватила революционная молодежь. На квартирах членов тайного общества начались оживленные собрания и встречи представителей различных полков. Обсуждали создавшееся положение, намечали планы возможных действий, распределяли между собой будущие обязанности. Волнение передалось в солдатские казармы. Глухие слухи о переменах, о сокращении срока службы, о завещании покойного царя проникали в гвардейские полки. На эти темы начались разговоры между офицерами и солдатами. Более нетерпеливые и смелые старались заранее подготовить благоприятную почву. Рылеев и его друзья, молодые братья Бестужевы, две ночи под-ряд обходили улицы Петербурга, останавливали проходящих солдат, беседовали со встречными часо-

выми и всюду говорили одно и то же: народ обманывают,—в завещании покойного царя об'явлена воля всем крестьянам и сбавлен срок солдатской службы до 15 лет. Солдаты с жадностью слушали эти слова. Через день слухи разнеслись по всему городу и всюду вызывали возбуждение и толки.

10 декабря стало известно об окончательном отказе Константина. Николай еще колебался. Но члены Северного общества, охваченные революционным возбуждением, решили, что пора действовать. Собрания стали многолюднее и чаще; в бурных и страстных спорах обсуждался вопрос о способах действия. Старались привлечь как можно больше сочувствующих, охватить своим влиянием все полки, мобилизовать все силы. Рылеев, больной, полуприкованный к постели, оставался главной организующей силой: окрыленный революционным под'емом, с сияющим вдохновенным лицом, он заражал своей искренностью и готовностью на борьбу. Все шли к нему, ему рассказывали о положении в столице, при нем подсчитывали силы, под его руководством вырабатывали план предстоящего восстания.

Было решено воспользоваться днем вторичной присяги, которую прикажет принести себе Николай, и убедить солдат, что эта новая присяга—незаконна, что Константин не отрекался от престола и хочет царствовать; полки поднимутся, откажутся присягать, пойдут за своими командирами; тогда, опираясь на восставшую вооруженную силу, члены тайного общества займут Сенат (высшее государственное учреждение), арестуют царскую семью и образуют временное правительство. Сенаторов заставят издать манифест к народу, в котором будет сказано об отречении обоих братьев, Константина и Николая, и о созыве Великого Собора (учредительного собрания): сам народ, в лице своих депутатов должен ре-

шить вопросы о форме правления и освобождении крестьян.

Во всех подробностях план разработан не был,— оставалось много неясного и недоговоренного. Были отдельные разногласия, которые остались неразрешенными. В эти короткие дни лихорадочных торопливых приготовлений особенно сильно сказалось отсутствие общей программы и ясной тактики. Рылеев действовал, как неопытный поэт: ему казалось, что многое выяснится на месте, в момент самого движения; экстаз и вдохновение заменят всякие строгие расчеты. Не быяо и твердого единства взглядов: одним казалось, что необходимо действовать решительно и быстро— занять дворец, Петропавловскую крепость, убить Николая; другие настаивали на „законном“ образе действий и возлагали все свои надежды на уступчивость перепуганного царя, который увидит перед собой восставшие гвардейские полки. О привлечении народа, массы не думали и не хотели думать: переворот должны были произвести организованные военные силы.

Удастся ли восстание? Этот вопрос тревожил не одного члена общества. Хладнокровно взвешивая имеющиеся силы, многие приходили к неутешительным выводам: большинство полков не готово, некоторые— безнадежны, влиятельных командиров мало, согласие крупных сановников не обеспечено. Начиная восстание, революционеры не чувствовали вокруг себя всеобщего ободряющего сочувствия. В основе их плана лежало использование слепой солдатской силы, которая не представляла себе точно ни целей, ни способов переворота. Дело построено непрочно,—говорили некоторые из заговорщиков. Но отступать нельзя,—возражали другие, и громче всех Рылеев. „Да, мало видов на успех, но все-таки надо, все-таки надо начать; начало и пример принесут пользу“,—эти слова

Рылеева глубоко врезались в памяти его товарищей. Пусть мы погибнем, но пример нашего выступления осветит путь новым борцам—эта мысль вдохновляла и толкала на жертву. Самоотречением и жаждою подвига дышало заключительное собрание в ночь на 14 декабря. Последние приготовления были сделаны: ротные командиры должны были вывести войска на Сенатскую площадь, полковник Булатов—принять над ними командование, князь Трубецкой—сосредоточить в своих руках высшую власть: революционного диктатора. Манифест к народу был составлен—его обсудили заранее, и один из заговорщиков всю ночь сидел над его окончательной обработкой. Наступал рассвет пасмурного морозного дня,—дня, назначенного одновременно для присяги и для восстания.

Николай знал, что в столице готовится возмущение, что дворец окружен кольцом серьезного угрожающего заговора. 12 числа фельд'егерь привез ему с юга важные бумаги, в которых излагалось содержание поданных доносов и назывались имена революционеров. В тот же день молодой офицер Ростовцев предупредил Николая, что готовятся беспорядки. Настроение гвардии было неопределенное. Уверенности в спокойном воцарении не было. Но медлить далее было невозможно,—и 14 декабря было назначено для принесения присяги новому императору. Охваченный тревогой, боясь произвести аресты, Николай говорил своим приближенным:—„Завтра я—или император, или без дыхания".—Поднявшись на рассвете он написал письмо своей сестре, полное безнадежности и уныния. Затем вышел в залу, где были собраны высшие командиры гвардии и спросил их, признают ли они его царем? Получив утвердительный ответ, он приказал генералам раз'ехаться по казармам и приводить к присяге свои полки. —„А что до меня, если буду императором хоть на один час, то

покажу, что был того достоин", прибавил царь, ободренный поддержкой высшей дворянской знати.

В разных концах города началась церемония присяги. В большинстве полков она проходила гладко, в некоторых—сопровождалась протестами офицеров и их арестами. Наконец, уже после полудня, царь получил донесение, что лейб-гвардии Московский полк охвачен восстанием и двигается по направлению к Сенату. Возмущение вспыхнуло, борьба началась.

Московцев подняли братья Александр и Михаил Бестужевы. Войдя в казармы, они обратились к солдатам с горячими речами, убеждали их не поддаваться обману, не приносить присяги и твердо держаться Константина. Обойдя несколько рот, они увлекли солдат, с помощью офицера Щепина-Ростовского овладели знаменем, приказали зарядить ружья и повели Московский полк на Сенатскую площадь. Под тревожный бой барабана, с ружьями на перевес, с революционными офицерами впереди, гвардейские колонны двинулись по улицам Петербурга. Напрасно бригадный и полковой командиры пытались остановить волнующуюся массу: они были сброшены на землю ударами обнаженных сабель, и возбужденные московцы беспрепятственно заняли пустующую площадь Сената. Несколько сот солдат построились в „каре" [1]) у памятника Петру I и заняли выжидательную позицию. Возгласы—„Ура, Константин!"—оглашали морозный воздух. Временами слышались отдельные ружейные и пистолетные выстрелы. Необычное зрелище быстро собрало пеструю толпу городского населения, которая обступила каре и залила прилегающие улицы. Около дворца началось еле заметное движение—там чувствовалась тревога: Николай лично проверял караулы, отдавал распоря-

[1]) Каре—боевой четырехугольник.

Петр Григорьевич Каховский.

жения генералам, начинал собирать вокруг себя присягнувшие полки. К восставшему Московскому полку подскакал на коне Милорадович, генерал-губернатор столицы: в „отеческой" речи он пытался образумить бунтующих солдат. Член тайного общества Каховский выстрелами из пистолета свалил его с лошади. Ружейные выстрелы московцев стали взволнованней и чаще. Звуки этой стрельбы долетели до зданий морского экипажа и лейб-гренадерского полка. И здесь и там они вызвали ответные бурные отклики.

Уже с утра молодые офицеры морского экипажа, во главе с Николаем Бестужевым, готовились к активному выступлению. Теперь отпали последние сомнения. Казармы огласились криками:—„Ребята, слышите ли стрельбу! Наших бьют!"—Подхваченные невидимой волной, увлекаемые младшими офицерами, моряки бросились из помещения и двинулись на соединение с московцами. В то же время волнение распространялось в лейб-гренадерском полку. Солдаты присягнули еще утром, но молодой поручик Сутгоф сумел поколебать первую роту и захватить ее своею речью. Несмотря на увещания полкового командира, солдаты в полной походной амуниции высыпали на улицу и с криками направились на Сенатскую площадь. За ними последовали другие роты, возбужденные поручиком Пановым. Их путь лежал мимо царского дворца, который слабо охранялся караульным взводом. Восставшие ворвались в дворцовый двор и, по ошибке коменданта, были приняты за своих. Наступил момент, когда весь дворец, со всею царскою семьей и с'ехавшимися сановниками, мог быть захвачен революционными войсками. Но в этот момент показались только что явившиеся на усиление охраны гвардейские саперы. Поручик Панов не решился рисковать и с криком:—„Да это не наши! ребята, за мною!"—двинулся обратно на

площадь. Навстречу показался верхом, в сопровождении генералов, сам Николай. Увидев гренадерские знамена, он решил, что полк явился к нему на помощь и скомандовал:—„Стой!"—Лейб-гренадеры, обступив царскую лошадь, закричали:—„Мы за Константина!"—„Когда так, то вот ваша дорога"—отвечал им царь, показывая на здание Сената. Присягнувшие полки расступились, и восставшие гренадеры возбужденною массою полились в сторону революционного каре. Их полкового командира ожидала та же судьба, какая раньше постигла Милорадовича: он был сражен выстрелом из пистолета. С каждым часом волнение усиливалось. Возгласы—„ура, Константин!"—перемежались с криками „ура, конституция!"—Толпа росла. По рассказам очевидцев, не менее сотни тысяч наполняло площадь и прилегающие улицы. Штатские пальто, полушубки, крестьянские шапки черной каймой облегали солдатские и офицерские шинели. Плотной группой выделялись рабочие Исаакиевского собора. Крыши зданий чернели любопытными. Шумный говор носился вокруг памятника Петру I и докатывался до здания Зимнего Дворца. Стрелковая цепь, выставленная революционерами, не пропускала ни одного лазутчика из противоположного стана. Попытки отдельных генералов и жандармов прорвать это живое кольцо кончались неудачею: их встречали ударами штыков и побоями толпы.

Николай чувствовал себя неуверенным и слабым. Он был лицом к лицу с таинственным и страшным заговором, который волновал не только восставшие полки: заговор таился здесь, кругом, может быть в каждом полку, вызываемом на помощь против мятежников. Офицеры конной артиллерии отказались присягать—можно ли им верить после этого? В Измайловском полку вспыхнуло опасное брожение. Финляндцы остановились на Исаакиевском мосту и не

захотели двигаться далее. Вызванные войска собираются медленно, да и кто может поручиться за верность их командиров? И Николай был прав: целый ряд офицеров, стоявших за его спиной, принадлежал к тайному обществу. Один неосторожный шаг— и мог последовать новый и более опасный взрыв.

По совету своих приближенных Николай попробовал разогнать мятежников с помощью конной атаки. Он лично скомандовал гвардейской кавалерии:—„За бога и царя, марш, марш!"—Всадники поскакали вперед, но их встретили градом выстрелов,—не только ружейных: со стороны толпы летели поленья и камни, которые ранили отдельных конногвардейцев. Неподкованные лошади скользили по обледенелой мостовой. В тесном пространстве, окруженном зданиями, кавалеристам трудно было развернуться вширь. В движениях атакующих чувствовалась какая-то нерешительность и вялость. Атака повторялась несколько раз и не привела к желаемой цели. Каре восставших по-прежнему стояло плотною и возбужденною стеной.

Положение становилось серьезным. Николай приказал вызвать на площадь артиллерию—не конную (она была ненадежна!), а пешую. Через некоторое время он отдал распоряжение приготовить загородные экипажи и, в крайнем случае, вывезти всю царскую семью из Петербурга. Пока, в ожидании подкреплений, Николай решил использовать тактику мирного увещания. Сначала он отправил к восставшим своего младшего брата Михаила, только что вернувшегося из Варшавы. На лихом коне, в сопровождении генерала, великий князь подскакал к революционному каре и начал убеждать полки прекратить возмущение. Но ему грозила участь Милорадовича: член общества Кюхельбекер уже навел на него свой пистолет, и только вмешательство соседних матросов

предупредило неизбежный выстрел. Великий князь уехал обратно, не достигнув цели. Тогда Николай решил прибегнуть к помощи религии. От дворца отделилась карета с двумя митрополитами и иподиаконами, в полном церковном облачении, под охраною генерала, стоявшего на запятках. Карета остановилась в стороне от восставших; духовенство вышло на площадь. Один из митрополитов возложил на голову крест, подошел к солдатам и обратился к ним с увещательной речью. Но революционные офицеры предупредили его; выбежав вперед, они закричали: „Ступайте прочь, не здесь ваше место, а в церкви! нам не надо попов!“ Раздался бой барабанов, который заглушил проповедь; блеснули обнаженные шпаги и штыки. Испуганные митрополиты бежали с места восстания и, не найдя своей кареты, на встречных извозчиках, возвратились во дворец. Увещания не помогали, каре по-прежнему оставалось непоколебимым. Затянутые в парадную форму, дрожа от холода, солдаты стояли под леденящим ветром и ждали команды своих офицеров.

Но восставшим войскам недоставало порядка и революционной энергии. Прежде всего наблюдалось полное безначалие: назначенный диктатором князь Трубецкой вовсе не появился на площади—чувство неуверенности сковало его волю и лишило всякой способности действовать; полковника Булатова тоже не было,—он сильно сомневался в успехе движения; Рылеев с утра был на ногах,—об'езжал полки, показался на площади,—но он был подпоручик в отставке, солдаты его не знали, и брать на себя командование он не решился. Никто из офицеров не проявил смелой инициативы, не взял на себя роли вождя. Все выжидали, все ободряли солдат, убеждали их держаться крепко и мужественно. Но все стояли на месте, пассивно отдаваясь потоку событий. Некото-

рые были настроены храбро и действовали горячо — таков был Каховский. Другие колебались и в глубине души считали восстание безнадежным. Присоединить к себе толпу, воспользоваться ее сочувствием и поддержкой не хотели. Когда к восставшим явилась депутация от кадетских корпусов с предложением присоединиться, Михаил Бестужев ответил ей:— „Благодарите своих товарищей за благородное намерение и поберегите себя для будущих подвигов“.

Не было ни плана, ни организации, ни обдуманных действий. Знали, что на противоположной стороне немало сочувствующих: измайловцы и преображенцы прислали сказать, что перебегут к товарищам с наступлением сумерек. Ожидали вечера, чтобы приступить к решительным действиям.

Но Николай не допустил этого шага и перехватил инициативу в собственные руки. Наблюдая нерешительность в рядах восставших, окруженный прибывшими гвардейскими полками, он почувствовал себя сильнее и крепче. Против него стояло две тысячи нестройной, слабо организованной пехоты и огромная, но пестрая невооруженная толпа. За ним были целые полки пехоты, кавалерии и артиллерии, главное— артиллерии! Его окружала свита из дворянской знати, которая была на его стороне—на стороне самодержавно-крепостной монархии. Генералы наперерыв торопили его действовать. Мороз крепчал. Сумерки сгущались, и рокот увеличивающейся толпы становился все громче и все грознее. Царская лошадь шарахалась в сторону от брошенных поленьев; вокруг Николая свистали пули. Еще немного — и будет поздно!

Николай дал знак, и орудия зарядили боевыми снарядами. В этот момент члены тайного общества созвали летучий военный совет и решили обсудить создавшееся положение. Но было уже поздно! К вос-

ставшим под'ехал последний парламентер[1]), генерал Сухозанет.—„Ребята, пушки перед вами!—закричал он,—сдавайтесь, государь обещает вам помилование!“ „Привез ли ты конституцию?“—закричали ему революционеры. Генерал повернул, обратно и провожаемый выстрелами, поскакал к царю.—„Ваше величество,—донес он Николаю,—сумасбродные кричат: конституция!“. Николай пожал плечами, возвел глаза к небу и громко скомандовал:—„Пальба орудиями по порядку, правый фланг начинай, первая!“—Звуки команды, прорезая морозный воздух, были повторены всеми начальниками по старшинству, кончая командиром батареи. Но в эту минуту Николай, как будто испугавшись своего шага, крикнул:—„Отставь!“.—Два раза повторялась команда, и два раза царь отменял ее. Революционное каре не дрогнуло, не отступило. Крики, возгласы и выстрелы неслись со стороны Сената. Наконец, в третий раз раздалась царская команда, в третий раз ее повторил командир батареи. Но выстрела на этот раз не последовало... Солдат-пальник неподвижно стоял у пушки с зажженным фитилем. Командир соскочил с лошади и бросился к нему.—„Почему ты не стреляешь, почему не исполняешь команды?“—крикнул офицер.—„Свои, ваше благородие!“ вполголоса отвечал солдат. „Если бы я сам стоял перед дулом, и тебе скомандовали „пали“, ты должен был бы стрелять!“—Пальник повиновался. Раздался первый картечный выстрел, который громовыми раскатами разнесся по Петербургу, за ним последовали—второй и третий... Картечные снаряды, визжа, врезались в самую гущу революционного каре, косили направо и налево, сметали чернеющие толпы народа, ударялись о здания Сената, наполняли грохотом волнующиеся улицы столицы. Каре дрогнуло,

---

[1]) Парламентер—посредник в переговорах.

заколебалось и, оставляя на пути раненых и убитых, бросилось в разные стороны. Среди крови и стонов некоторые офицеры не потеряли присутствия духа: смелый Михаил Бестужев, очутившись на льду Невы, пытался остановить солдат и построить их в боевую колонну. Впереди виднелись мрачные очертания Петропавловской крепости. Броситься на нее штурмом, захватить этот оплот самодержавия и, обернув ее пушки против царского дворца, возобновить борьбу — такова была мысль Бестужева. Звучным голосом он начал собирать и ободрять бегущих людей. Но ядра догоняли и здесь повстанцев. От непрерывной стрельбы лед треснул и заколыхался. Солдаты стали тонуть, раздались крики о помощи. Сзади напирали кавалерийские части. Артиллерийские залпы не прекращались. Восставшие были разбиты и рассеяны. Каждому оставалось спасаться за собственный страх и риск.

Через несколько часов улицы города приняли необычный вид: повсюду стояли войска, горели бивачные костры и рыскали военные патрули; подобранных убитых складывали на подводы и свозили в Неву; на Сенатской площади скоблили обледенелую кровь и засыпали ее свежим снегом. Показались первые партии арестованных: солдат приводили на сборные пункты, офицеров свозили к Зимнему Дворцу. Петербургское восстание было окончательно подавлено.

Но движение далеко не прекратилось: через две недели оно снова вырвалось наружу, на этот раз не в Петербурге, а на юге. Накануне 14 декабря Северное общество, через специального нарочного, сообщило о предполагаемых действиях в Москву и в Тульчин. Московские члены созвали дружеское совещание, обсудили создавшееся положение и решили, что выступать безнадежно. Известие о петербург-

ском разгроме только подкрепило их в этом мнении. Письмо на юг пришло туда слишком поздно — во второй армии уже успели разыграться решительные события.

Уже при первых сообщениях о смерти Александра Южное общество встрепенулось и стало говорить о немедленном восстании. Особенно волновались „славяне“ — самые твердые и самые решительные из южных революционеров. Они усилили агитацию среди солдат, пересылались вестями и нетерпеливо ждали революционного призыва со стороны Сергея Муравьева-Апостола. В конце ноября Директории стало известно о произведенных доносах и предстоящих арестах. 13 декабря был захвачен Пестель. Через несколько дней стало известно о неудачном восстании в Петербурге. Перед уцелевшими вождями вставал вопрос — сдаваться на милость победителя или предупредить аресты боевым выступлением? Более энергичные и последовательные избрали второй путь. Сергей Муравьев начал подготовку к восстанию. Но за ним уже гонялись по пятам: приказ об его аресте был получен в армейском штабе и поручен исполнению полкового командира Гебеля.

В ночь на 29 декабря Сергей Муравьев и его брат были настигнуты в деревне Трилесы и, безоружные, захвачены во время сна. Вокруг их дома были расставлены часовые. На утро арестованных должны были везти в город Васильков. Но события сложились иначе. Ранним утром в деревню приехали однополчане Муравьева, молодые офицеры „Общества Соединенных Славян“, вызванные его тревожною запиской. Увидев слабый караул и убедившись в сочувствии солдат, они решили освободить арестованных вооруженной силой. Жандармский офицер был арестован; полковник Гебель пытался сопротивляться, но упал под градом штыковых ударов; ра-

довые перешли на сторону революционных офицеров. Освобожденный Муравьев стал во главе роты и двинулся в город Васильков, на соединение с другими частями Черниговского полка. Солдаты его любили и слушались беспрекословно. Многие знали его по старому Семеновскому полку, видели в нем своего защитника и друга. Его помощники—младшие офицеры—были настроены решительно и твердо. Васильковские роты без труда присоединились к Муравьеву, восстание разрасталось и получало организационный центр. Все расчеты были основаны на присоединении соседних полков, в которых командовали члены Южного общества. Муравьев разослал нарочных с собственноручными записками, обращенными к офицерам разных частей. Он ждал поддержки 8 пехотной дивизии, 8 артиллерийской бригады, 17 Егерского полка. Весь город Васильков был окружен военной цепью и сильными караулами. Население было успокоено и убедилось, что движение носит организованный характер. Был заготовлен запас продовольствия и розданы ружейные патроны. На следующий день восставшие роты должны были тронуться в боевой поход.

Ни Муравьев, ни его товарищи не спали в эту памятную ночь: офицеры вели неустанную агитацию в солдатских кружках; Муравьев, не смыкая глаз, писал в своем кабинете.

Утром 31 декабря все роты, в полной походной амуниции, выстроились на городской площади. Муравьев вышел к войскам и обратился к ним с краткой речью: он говорил о задаче восстания, о борьбе за свободу, о благородстве самопожертвования. Ему отвечали единодушными восторженными криками. Затем Муравьев вызвал вперед полкового священника и приказал ему прочесть революционный катехизис,— сборник вопросов и ответов о христианских основах

революционной борьбы. Здесь, словами Священного Писания, доказывалось, что цари похитители народного счастья, что религиозная вера несовместима с рабством, что само Евангелие требует великого подвига для освобождения народа. Сергей Муравьев был человеком религиозным; ему казалось, что привычные истины Евангелия, озаренные новым светом, вольют могучие силы в простую солдатскую массу. Перед молебном Муравьев еще раз спросил—все ли согласны на борьбу? Кто чувствует себя неспособным на предстоящий подвиг, тот должен остаться. Никто не вышел из строя, громкие восклицания заглушили последние слова говорившего вождя. В этот момент на площадь прискакал младший брат Муравьева — за сотни верст, из далекого Петербурга, он привез запоздалый призыв Северного общества. Полк построился в боевую колонну и с криками—„ура!“,—провожаемый приветствиями и пожеланиями жителей, двинулся в путь.

Муравьев повел войско на губернский город Житомир. По пути он должен был присоединить оставшиеся роты Черниговского полка и получить подкрепления со стороны других частей. За Житомиром предполагалось взять Киев, прочную крепость, которая могла послужить опорной базой[1]) для дальнейшего распространения восстания. Понимая всю важность Киева, Муравьев послал туда одного из лучших революционных офицеров: он вручил ему несколько писем к членам Южного и Польского общества, снабдил несколькими экземплярами катехизиса и поручил распространить его среди жителей. Ему казалось, что его горячий призыв встретит сочувственный отклик и волны киевского восстания сольются с восстанием Черниговского полка.

[1]) База—основание

6

Но обстоятельства сложились неблагоприятно. Некоторые из нарочных не доехали до места назначения. Некоторые были арестованы и не успели выполнить данного поручения. Командиры полков, члены Южного общества, на которых возлагались такие большие надежды, решительно отказались от выступления. Офицеры, бежавшие из мятежных рот, быстро сообщили о восстании военным властям. Везде поднялась тревога. Всюду были разосланы курьеры. Поручик Мозалевский, отправленный Муравьевым в Киев, не встретил там ожидаемой поддержки и сделался жертвой поднявшейся тревоги; глубокой ночью, когда он обходил членов общества, город наполнился барабанным боем, стуком оружия, криками солдат и воплями испуганных жителей: вся крепость была поднята на ноги, собирали войска на борьбу с восставшими черниговцами. Мозалевский не успел выскользнуть из города; он был схвачен, узнан и посажен под строжайший арест.

Между тем Черниговский полк двигался по дороге к Житомиру. Но и здесь не все обстояло благополучно. В деревне Мотовиловке восставших ждала первая неудача: находившаяся там гренадерская рота отказалась присоединиться к восстанию; в ближайшие ночи многие офицеры, не состоявшие членами общества, тайно бежали из своих рот; 17 Егерского полка, на который так сильно надеялись, не нашли на его квартирах: за два дня он был уведен с квартир в неизвестном направлении. Ни откуда не было помощи, никто из нарочных не возвращался с донесением. Сам Муравьев не проявлял нужной быстроты и решительности; глубокая задумчивость лежала на его лице; какая-то затаенная скорбная мысль заметно тяготила его. Но под его знаменем еще двигалось около тысячи человек; солдаты были бодры, фельдфебеля и унтер-офицеры обнаруживали полную созна-

тельность; громадное большинство офицеров было настроено революционно и стойко; крестьяне поддерживали отряд продовольствием и провожали Муравьева ободряющими словами:—„Да поможет тебе бог, добрый наш полковник, избавитель наш!".

Наступил день 3 января, шестой день восстания Черниговского полка. Потерпев неудачу с егерями, Муравьев двинулся к селению Паволоч в расчете на присоединение артиллерии. В полдень отряд миновал деревню Ковалевку и вышел в открытую степь. Внезапно среди солдат пронесся слух, что в обозе разорвалось пушечное ядро и убило крестьянина. Начались толки и споры,—но выстрела никто не слышал и орудий не было видно. Офицеры старались успокоить взволнованные роты. Муравьев приказал на всякий случай сомкнуть полк в густую колонну и вызвал по-взводно стрелков. Черниговцы продолжали итти вперед. Через несколько минут тихий морозный воздух огласился раскатами пушечных выстрелов; далеко впереди показались орудия, охраняемые гусарами. Муравьев приказал приготовиться к бою. Солдаты осмотрели и зарядили ружья. Черниговский полк, не останавливаясь, двигался по направлению к артиллерии. Но в этот момент картечные ядра, визжа и сметая людей, начали врезаться в полковую колонну. Муравьев не успел еще дать боевой команды, как был оглушен и ранен в голову; кровь залила его лицо; поручик Щепила был убит наповал; кругом валились убитые и раненые. Собравшись с силами, Муравьев хотел начать сражение, но было уже поздно: под градом картечных выстрелов полковые ряды расстроились, часть взводов побросала ружья, остальные бежали в разные стороны по полю. Спереди скакали гусары с обнаженными саблями. Офицеры были окружены, обезоружены и под конвоем отвезены в ближайшую деревню. Разбежавшиеся солдаты были

захвачены группами и поодиночке. Восстание Черниговского полка было подавлено окончательно.

Младший брат Муравьева был убит гусарами, сам Муравьев истекал кровью от полученной раны. Когда вечером рокового дня офицеры были собраны в деревенской корчме, их постигла еще одна утрата: поручик Кузмин, все время скрывавший полученную им картечную рану, незаметно вынул спрятанный пистолет и кончил с собой внезапным выстрелом. Он не хотел пережить революционного поражения: „свобода или смерть" было его любимым лозунгом.

Через несколько дней все офицеры и солдаты были закованы в кандалы, - богатая помещица Браницкая охотно пожертвовала на это 100 пудов железа. В ночь на 12 января вождей движения отправили в далекий Могилев, а оттуда далее — в Петербург.

— —

5. РАСПЛАТА.

Весть о декабрьском восстании на севере и на юге постепенно разнеслась по всей России. Неясные слухи о борьбе за волю проникли в крепостные деревни. Вспыхнули отдельные возмущения в барских усадьбах и на помещичьих фабриках. Тревожная молва долго не исчезала, волнуя крестьянство заветною надеждой на скорое освобождение. Но вспышки были частичные, несвязные, слабо организованные. Правительство, как и раньше, расправилось с бунтовщиками и восстановило прежний порядок безмолвия и покорности. В городах, среди купечества, мещанства и чиновников, шли оживленные толки о петербургском „бунте"; находились сочувствующие, сожалели о происшедшем разгроме, но эти речи тонули в общем хоре противоположных голосов. Больше всего друзей восставшие имели в рядах дворянства, близко связанного с офицерами родством, знакомством, общими взглядами. Но здесь было меньше всего активного отклика: взволнованные событиями, столичные кружки судили и рядили о восстании; в случае успеха передовой слой мог присоединиться к победителям и оказать ему под-

держку. Но дерзнувшие восстать против самодержавия были разбиты, власть торжествовала, противиться ей было опасно и недавние „либералисты“ [1]) наперерыв спешили осудить безнадежное и гибельное предприятие. Основная толща помещичьего класса,—крепостники и монархисты,—рассуждали еще более решительно: безумцы и злодеи посягнули на самые основы „разумного порядка“! Николай чувствовал, что у него—прочная и крепкая опора, что заговор офицеров—дело ничтожной кучки, что самодержавию бояться нечего. Нужно вырвать зло с корнем, нужно истребить самые источники вольномыслия.

Участников движения ожидала суровая расправа. Аресты шли по всей России. Сотни людей были замурованы в казематы. Строжайшие допросы производились под личным руководством и наблюдением царя. Николай не знал ни отдыха, ни покоя: он безостановочно разыскивал нити движения, стараясь все выпытать и узнать. Арестованных приводили в его кабинет, и он старался уловить характер каждого обвиняемого. С одними он был отечески ласков, с другими—величественен и строг, третьих он подавлял своим гневным обращением. Закрадываясь в душу, он обольщал доверчивых, возбуждал надежды в отчаявшихся, действовал страхом на менее мужественных. Он вызывал на откровенность, прикидываясь другом свободы; говорил, что он согласен с воззрениями своих противников; но для упорных он не ведал пощады,—оковы и тяжелое заключение должны были вырвать необходимое признание.

Вчерашние гвардейцы, блестящие офицеры, люди, привыкшие к красивой и барской обстановке, были вырваны из своих семей, брошены в одиночные камеры, в обстановку суровых лишений и давящего

---

[1]) Сторонники свободы.

гнета. В их воображении еще носились страшные картины разрушительной канонады, пролившейся крови и массовых жертв. Они чувствовали себя разбитыми и подавленными; ощущение бессилия и полной безнадежности охватило многих арестованных заговорщиков. Под мрачными сводами Петропавловской крепости они почувствовали себя одинокими и слабыми перед лицом этой могущественной всеподавляющей власти. Прежняя неуверенность, которая закрадывалась в душу, проснулась снова. Начались внутренние сомнения: нужно ли было восставать, если восстание было безнадежно? можно ли было приносить в жертву других, часто невинных и непричастных? оправдана ли эта пролитая кровь? имел ли смысл этот разрыв со всем прошлым—с существующим порядком, с привычными условиями жизни, с личным благополучием, с семейными радостями?..

Некоторые не пережили этих внешних и внутренних пыток: полковник Булатов, в безумном исступлении, покончил расчеты с жизнью; другие, охваченные начавшимся помешательством, возводили на себя небывалые преступления; третьи искали утешения и опоры в религии; многие почувствовали муки раскаяния; но были и такие, которые непреклонно и твердо сохраняли свои заветные убеждения и не колеблясь ожидали рокового исхода.

Николай сумел учесть и использовать это душевное состояние первых мучеников революции. Следственная комиссия из высших сановников, назначенная для разбора дела, обставила допросы таинственными церемониями, сбивала перекрестными вопросами, уверяла, что все признались, что такие-то показали то-то и то-то. В конце концов задача Николая была достигнута: разнообразными и ловкими приемами были получены исчерпывающие показания. Одни из заговорщиков быстро поддались влиянию

императора: таков был неудачный диктатор, князь Трубецкой, в котором гвардеец и дворянин быстро убили революционера. Другие, вроде Рылеева, долго терзались внутренними муками, до дна испили чашу страдания, сомнений и самоистязания: царь покорил их своими речами, своей откровенностью, своей неиссякаемой „добротой". Третьи остались сдержанны и скупы в своих ответах: таков был гордый и смелый Лунин, который мог бежать, но предпочел не покидать товарищей; мог смягчить свою участь, но не захотел этого сделать; показывал, но мало и не губя других.

Судили 121 человека—в сущности не судили, а прочли им торжественную „сентенцию" (приговор) в собрании покорных генералов, чиновников и архиереев. Приговор был составлен заранее, по всем правилам юридического искусства, тем самым Сперанским, которого декабристы прочили в революционное правительство: когда-то он составлял для России конституцию и заплатил ссылкой за свои свободные убеждения. Приговор был суров и беспощаден: важнейшие вожди и участники—Рылеев, Пестель, Сергей Муравьев-Апостол, Каховский и Бестужев-Рюмин—присуждались к четвертованию; следующие 31 человек—к отсечению головы, остальные к каторжным работам, к ссылке на поселение, к разжалованию в рядовые. Император высочайше помиловал осужденных: четвертование он заменил повешением, отсечение головы -вечною каторгою, ссылку в каторжные работы сократил на ничтожные сроки.

В ночь на 13 июля 1826 г. на кронверке [1]) Петропавловской крепости была возведена большая виселица. Кругом были расставлены гвардейские полки и гарцовали царские генералы. Перед зарей осужден-

---

[1]) Кронверк—укрепление.

ных вывели из тюремных казематов, приказали им снять военные мундиры и поставили их на колена; каждому читали вынесенный приговор и ломали над головой шпагу; мундиры и ордена бросали в разведенные костры, а взамен прежней одежды надевали больничные халаты. По окончании унизительной экзекуции осужденных снова отвели в крепость. Но в этой толпе не было пятерых, приговоренных к смерти: закованные в кандалы, они ждали своей очереди в тюремных казематах. Все обреченные были спокойны, кроме Бестужева-Рюмина: он был моложе всех и ему не хотелось умирать... Когда забрезжил рассвет, всех пятерых вывели на крепостной кронверк. Стоя перед виселицею, они в последний раз пожали друг другу руки. На них накинули белые саваны, закрыли им лица колпаками, связали руки. Пестель и Сергей Муравьев нашли возможность еще раз обменяться прощальным дружеским рукопожатием. Всех возвели на помост, каждому накинули на шею глухую петлю. Но здесь произошло то, чего не ждали устроители казни: Рылеев, Каховский и Муравьев сорвались с ослабевших веревок и с шумом упали на помост. — „Вешайте их скорее снова!" крикнул генерал Кутузов. Рассказывают, что этот неистовый крик возмутил предсмертный дух Рылеева и он ответил генералу негодующим возгласом: „Подлый опричник, тиран! Дай же палачу твои аксельбанты, чтобы нам не умирать в третий раз!" [1]). Тела казненных были брошены в ящики и закопаны на одном из островов.

Судьба остальных заговорщиков была различна. Первыми отправили в далекую Сибирь 8 человек, приговоренных на вечную каторгу: тут были Тру-

---

[1]) Генерал-адъютантские аксельбанты (шнуры на мундире) Кутузова были внешним признаком его близкого отношения к царю.

Видъ Читинскаго острога декабристовъ

бецкой, Волконский, Оболенский, Артамон Муравьев, братья Борисовы, Давыдов, Якубович. Их повезли двумя партиями, закованных, в сопровождении жандармов и фельд'егерей. Утомительный и трудный путь в 6 тысяч верст закончился в городе Нерчинске: там привезенных поместили в тесную каторжную тюрьму и они начали новую жизнь, далекую от прежней: каждый день, звеня кандалами, они спускались в подземные рудники и отбывали положенный им урок. После работ их ожидали вонючие и грязные камеры, наполненные паразитами. Плохая и скудная пища едва поддерживала их силы. Обращение горного начальства было грубо и унизительно; над ними висела вечная угроза суровых наказаний: Николай самолично распорядился держать их наистрожайшим образом.

Через несколько месяцев начали отправлять в Сибирь новые партии осужденных. Их вывозили из крепостей—финляндских, Шлиссельбургской и других—и под строгой охраной мчали на курьерских лошадях. После продолжительного заключения в тюрьме, свежий воздух, простор полей, перемена обстановки вливали бодрость в измученных узников. Но многим приходилось испытывать суровые лишения и подвергаться опасностям во время трудного переезда: царские фельд'егеря плохо считались с нуждами „государственных преступников". Зато жители городов и деревень оказывали им знаки внимания и сочувствия: везде, где можно, проезжавшим устраивали радушные встречи и провожали их добрыми напутствиями и пожеланиями. Гораздо тяжелее была судьба участников черниговского восстания. Большинство из них судили отдельно, в Могилеве. Главные офицеры были приговорены к вечной каторге. В сентябре 1826 года их повели в Сибирь „по этапу": без родных, без знакомых, покрытые

рубищем, закованные в ручные и ножные кандалы, они двинулись в дальнюю дорогу с партией уголовных арестантов. 18 месяцев длился их пеший путь — и в летний зной, и в лютые морозы. Страдания не сломили их воли. Достигнув Нерчинских рудников, один из них, решительный и смелый Сухинов, составил план — с помощью ссыльных освободить всех осужденных товарищей и бежать за китайскую границу. Заговор был раскрыт, Сухинова должны были расстрелять, но он не дался в руки своим палачам и заранее кончил жизнь самоубийством.

Постепенно всех высланных на каторгу собрали в городке Чите, за озером Байкалом. Здесь была сустроена специальная тюрьма, которую поручили охране коменданта, генерала Лепарского. Помещения были тесны и душны. Но все лишения искупались счастьем совместной жизни и братского общения. Узники были еще молоды и хотели жить. Перенесенные испытания сплотили их крепче; взаимные обиды, оговоры на следствии были прощены и забыты. Каждый искал в товарищах опоры и содействия. Каждый чувствовал себя мучеником за идею свободы. Суровый приговор поднял осужденных в их собственных глазах. После временных сомнений, ошибок и слабости проснулись прежние чувства, пробудились былые возвышенные стремления. Читинский острог стал маленьким „свободным" островком среди гнетущего безмолвия задавленной страны. Под звуки кандалов здесь раздавались революционные песни, вспоминались эпизоды восстания, обсуждались политические вопросы. Заключенные не потеряли интереса к современности: вести об европейских и русских событиях доносились до их острога. Они добились права получения книг и газет, много читали, много работали, обменивались своими мыслями и сочинениями. Здесь развернулись дарования многих из

Декабристы на работе в г. Чите.

осужденных. Некоторые, благодаря товарищам, расширили и углубили свое образование. Внутренний огонь незримо согревал эту кучку людей, затерянных в далекой глуши, в тайге Сибири.

Огромную незабываемую помощь оказали узникам несколько женщин—жены осужденных, которые последовали за ними на каторгу. Несмотря на отговоры родных, несмотря на предстоящие страдания, они добились от Николая права на эту поездку. Им поставили суровые условия—отречься от всего, что считается ценным и важным,—они согласились на это. Их пугали тяжелой обстановкой каторги, грубостью обращения, — но это не остановило их. Первые отправились княгини Трубецкая и Волконская, пробившие себе путь личною энергией и терпением. Молодые аристократки нашли в себе силы отказаться от богатства, от блеска, от привычного образа жизни, порвать с своим прошлым во имя вдохновлявшей их цели: своей любовью и помощью озарить мрачную жизнь осужденных мужей. И не одних мужей: благодаря неустанным заботам приехавших женщин все осужденные восстановили связь с внешним миром—через них сносились с своими родными, через них получали денежную помощь, в них находили горячую защиту против притеснений центральной и местной власти. Присутствие женщин смягчило тяжесть лишений и внесло успокаивающую и теплую струю в суровое однообразие тюремного быта.

Сравнительным улучшением своей жизни осужденные отчасти были обязаны коменданту Лепарскому: несмотря на строгие инструкции из Петербурга, он находил возможным смягчать суровость каторжного режима, не обременять заключенных непосильной работой, разрешать им частые свидания с женами, допускать свободу взаимного общения.

В 1830 г. читинских узников перевели в Петровский Завод—небольшое местечко за городом Верхнеудинском. Здесь для них была отстроена специальная тюрьма, рассчитанная на длительное пребывание. В новом месте жизнь потекла по-старому. Некоторые из осужденных, в силу манифестов, вышли на поселение, остальные продолжали жить тесным дружеским братством: составили общую артель, которая всем обеспечивала сносное содержание; завели собственные огороды; устроили маленькие мастерские; выписывали десятки иностранных и русских журналов; организовали большую библиотеку.

Настроение заключенных за это время сибирской каторги хорошо передают слова молодого Одоевского—его ответ на стихотворное послание Пушкина.

...Цепями,
Своей судьбой гордимся мы,
И за затворами тюрьмы
В душе смеемся над царями.
Наш скорбный труд не пропадет:
Из искры возгорится пламя!..

С этой надеждой на будущее узники легко сносили все тягости тюремной неволи. Проходили годы, постепенно кончался срок каторги то одному, то другому из осужденных. По выходе из тюрьмы они отправлялись на поселение—в города и селения Восточной и Западной Сибири. Некоторым удавалось устроиться вместе, тесным товарищеским кружком. Многие завели свои маленькие хозяйства и кормили себя трудами собственных рук. Большинству помогали родные. Домики „политических“ явились светлыми очагами, к которым тянулось местное население: благодаря своему образованию, общительности, желанию помочь, ссыльно-поселенцы сделались желанными советниками и друзьями сибирских жителей. Они способствовали распространению знаний, делали полезные

изобретения для местного края, прививали новые взгляды, обычаи и вкусы. Сибиряки с благодарностью вспоминали их деятельность, считали их своими и близкими: многие из осужденных женились на уроженках Сибири и крепко связались с интересами далекой окраины.

Возвращение в Россию было им решительно отрезано: Николай боялся пропустить в европейские губернии этих бунтовщиков, которые так много выстрадали и были так опасны своими воспоминаниями. Только тридцать лет спустя, когда Николай сошел в могилу и его сын, Александр II, начал осуществлять некоторые из планов декабристов, — уцелевшим была дана амнистия (помилование) и они возвратились к себе на родину. Уцелели далеко не все: многие окончили свои дни в снежных сугробах Сибири. До сих пор могилы декабристов рассеяны по городам и весям сибирского края.

Но осужденных не забывали здесь, по эту сторону Урала. Родственники, знакомые, друзья хранили о них светлую память. Подраставшее поколение чутко прислушивалось к заглушенным голосам, которые прорывались из-под тюремных сводов. В глазах передовой молодежи деятели 14 декабря были героями и мучениками, которые первые начали великую борьбу за свободу. Их чтили, ими восхищались, их пример воодушевлял среди царящего мрака. Между старшим поколением, брошенным в казематы, и новым, выраставшим среди старого рабства, завязывались невидимые, но крепкие нити.

В августе 1830 года партия декабристов переходила из Читы в Петровский Завод. На последнем ночлеге были доставлены свежие газеты — они сообщали о новой, „июльской" революции во Франции, о том, что европейская реакция окончательно миновала. С восторгом узники перечитывали известия о

парижских баррикадах, об уличных боях, о провозглашении свободы. „Вечером,—вспоминает один из декабристов,—все мы собрались вместе, достали где-то две—три бутылки шипучего и выпили по бокалу за июльскую революцию и пропели хором марсельезу. Веселые, с надеждою на лучшую будущность Европы, входили мы в Петровское". В то же время, в далекой Москве, пять молодых студентов зачитывались теми же французскими газетами и были охвачены таким же восторгом и преклонением перед июльской революцией. Но их увлекали не только парижские баррикады: они заучивали наизусть стихи Рылеева, рассказывали друг другу о декабрьском восстании и клялись посвятить свою жизнь освобождению России. Из этого кружка вышли вожди второго поколения русских революционеров, Герцен и Огарев. „Казнь Пестеля и его товарищей окончательно разбудила ребяческий сон моей души",—говорил о себе Герцен.—„Мы — дети декабристов и мира нового ученики",—повторял за ним Огарев.

Так разгоралась искра, вспыхнувшая 14 декабря на Сенатской площади Петербурга.

6. ИТОГИ.

Подведем итоги всему, что мы узнали о „декабристах" — так назвали участников декабрьского восстания 1825 года. Декабристы выросли в обстановке глубокого хозяйственного и политического перелома, который переживала Западная Европа и начинала переживать отсталая Россия. Повсюду развивался промышленный и аграрный капитализм: крупная машинная фабрика вытесняла раздробленный ручной труд, усовершенствованные приемы земледелия вторгались в сельское хозяйство. Везде и всюду совершался усиленный рост денежных капиталов, которые вкладывались в разнообразные предприятия; выбрасывались на рынок массы продуктов, необычайно расширялись торговые обороты, раздвигались рамки взаимных сношений, захватывались влиянием капитала новые страны. Под этим напором новой хозяйственной жизни трещали и ломались старые самодержавно-крепостные монархии; помещичье дворянство уступало место разбогатевшей буржуазии, которая стремилась к политической власти; крепостной труд делался невыгодным и заменялся вольнонаемным; свободная предприимчивость разбивала ста-

рые стеснительные законы и сословные ограничения; свободно и широко развивавшаяся хозяйственная жизнь требовала политической свободы. Самодержавие королей отмирало и рушилось. Завязывалась новая борьба—борьба за власть и влияние между различными классами нового буржуазного общества. Великая Французская Революция 1789—1799 г.г. была самым ярким проявлением этого исторического перелома, который испытал на себе весь европейский мир.

Движение русских декабристов было одним из звеньев этой растянувшейся цепи великих событий. Сами декабристы были „дети" Французской Революции, учениками ее идей, воспитанники ее событий. Декабрьское восстание 1825 года было отдаленным отзвуком политической бури, которая пронеслась по всей Европе, захватила Германию, Италию, Испанию, Бельгию и другие страны. Повсюду была более или менее подготовлена почва для политического переворота постепенным и неуклонным развитием капиталистических отношений. Вот почему семена, брошенные французскими революционерами, давали обильные всходы, а кое-где и богатую жатву. Россия не представляла из себя исключения: запоздало и медленно она переживала те же перемены и двигалась по тому же пути. Необозримые русские равнины тоже покрывались машинными фабриками, начинали вспахиваться английским плугом, перерезывались сетью бойких дорог. Вопросы об отмене крепостных отношений, о создании свободных условий хозяйственного развития выдвигались на очередь самой жизнью, поднимались осторожными и трезвыми практиками. Передовые, образованные слои дворянства стали приспособляться к новым буржуазным отношениям, проникаться западно-европейскими теориями, выдвигать планы коренных преобразований. Дека-

бристы не были одиноки: в революционной форме они выражали стремления и чаяния наиболее чуткой части своего класса. Эти стремления — к гражданской и политической свободе — совпадали с хозяйственными интересами страны, соответствовали ходу общественного развития, отвечали в своих основах надеждам и желаниям народных масс. Расковать крестьянские цепи и установить народную власть было выгодно не только для имущих классов, но и для широких масс крестьянства, для зарождавшегося русского пролетариата.

Декабристы не были одиноки, но их революционный порыв не имел под собой прочной общественной опоры: передовое сознательное дворянство было тонкой прослойкой в толще крепостного общества двадцатых годов; его окружали отсталые слои крепостников-землевладельцев, неразвитая и косная буржуазия, рассеянная и темная крестьянская масса.

Хозяйственные перемены успели зародить передовые взгляды — под сильным влиянием европейских событий и революционных идей; но этих перемен было недостаточно, чтобы сломать старые и косные привычки, покончить с отживающими воззрениями. Русский капитализм переживал время своего детства, крепостной уклад еще держался, был еще выгоден, за него жадно цеплялись. Развитие России, как и всех европейских стран, не шло по прямой линии: оно совершалось зигзагами и скачками. За приливом либеральной волны первых лет XIX века последовал обратный отлив: началась реакция, взяли верх интересы крепостников и монархистов. Волны столкнулись, ударили друг о друга и отдались революционным взрывом 14 декабря. Более активная, горячая и смелая молодежь не удовлетворилась одними разговорами о свободе: реакция грозила гибелью ее заветным планам, пример европейских революций

стояла перед ее глазами. Возникают революционные общества, составляются политические заговоры. Идеям заговорщиков сочувствовали передовые слои дворянства, но оказать делу активную боевую поддержку они не могли, да и не хотели. Революционное движение декабристов не стало движением класса, не получило мощной опоры.

Оглядываясь вокруг себя, заговорщики приходили к печальному выводу: ни в дворянстве, ни в купечестве им не удалось завербовать энергичных сторонников.

Всюду встречи безотрадные,
Ищешь, суетный, людей,
А встречаешь трупы хладные,
Иль бессмысленных детей...

В этих скорбных словах Рылеева звучит та безнадежность, которая охватывала многих членов тайного общества незадолго до восстания. Оставалось обратиться к массам, к широким слоям порабощенного крестьянства, к рабочему люду городов. Но как? И нужно ли это? Громадное большинство декабристов было убеждено, что это не нужно, вредно, опасно для дела свободы. Выросшие во время революций, проникнутые идеями свободы и равенства, они любили „народ" и хотели ему счастья; но они вышли из обеспеченных семей и срослись с дворянскими привычками: восставшие массы они представляли себе в виде бунтующей толпы, несознательной и неорганизованной; они боялись разрушительных последствий крестьянской революции и считали ее „могилой свободы". Большинство из них в глубине души оставалось детьми своего класса и сознательно противилось народной революции: нужно провести переворот организованно, без сокрушительных потрясений, по собственной, заранее подготовленной, конституционной программе. Так говорил Никита Муравьев, выражав-

ший интересы земледельческих и буржуазных кругов; так рассуждал и Пестель, воплотивший в своем „Наказе“ интересы широких крестьянских масс. Немногие из заговорщиков держались иного взгляда: только бедное офицерство „Общества Соединенных Славян“ искало сознательной поддержки среди солдат, да иногда, в виде крайнего средства, мелькала мысль взбунтовать военные поселения.

Таким образом у русских революционеров 20-х г.г. не было прочной связи ни с одним общественным классом. Их самих было мало — небольшая горсточка в несколько сотен человек, рассеянная по гвардейским и армейским полкам. Они сознавали свою оторванность и свое организационное одиночество,— это наполняло их чувством сомнения и неуверенности. Больше всего колебались те, которые были прочнее спаяны с существующим строем — своим положением, службой, знакомствами, личными интересами. С одной стороны, их увлекали вперед революционные взгляды, гражданская отвага, чувство товарищества; с другой стороны, их тянули назад богатство, дворянские связи, влияние родных. Порою пробуждались старые чувства, воспитанные с детства, вскормленные годами: преклонения перед властью, уважения к императору, отвращения к насилию.

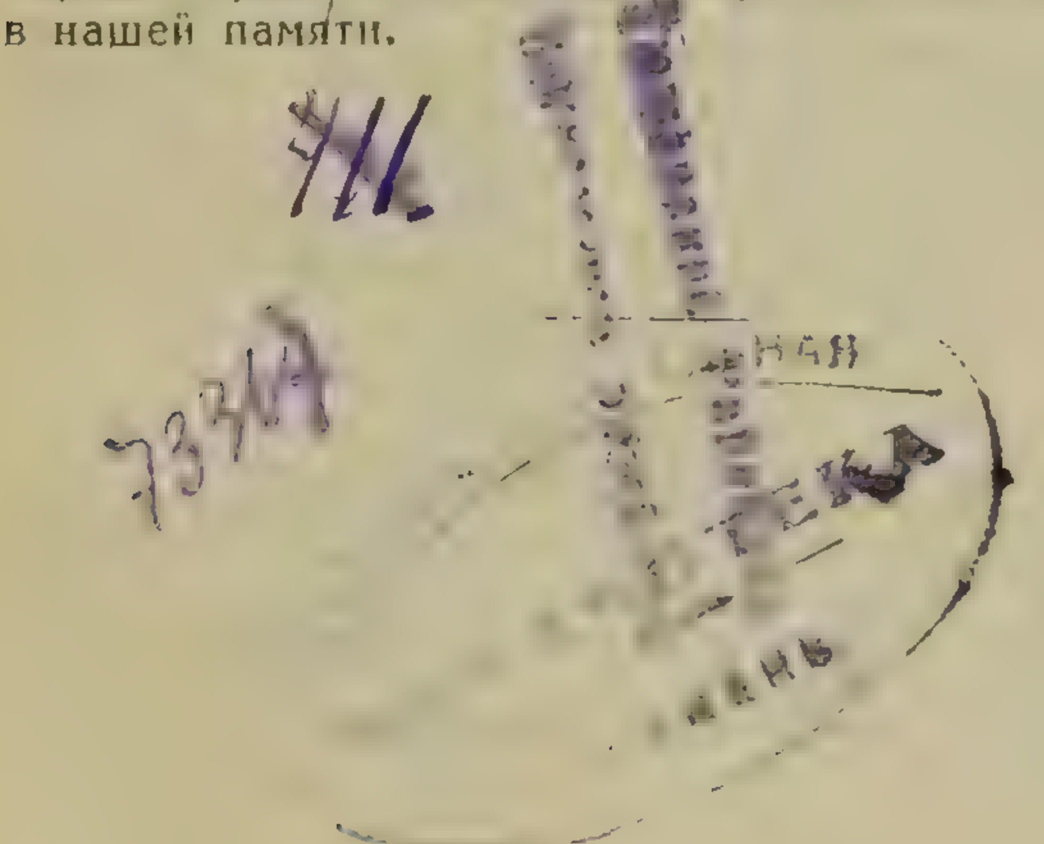
Многим нехватало внутренней цельности, способности к решительным революционным действиям. Раздвоенность и чувство своего бессилия сковывали волю. В этом — разгадка многих поступков декабристов. Почему командиры южных полков не откликнулись на призыв Муравьева-Апостола? Почему Трубецкой и Булатов не явились на площадь? Почему восстание в Петербурге прошло так беспорядочно и пассивно? Почему арестованные декабристы проявили столько откровенности и раскаяния? Теперь, когда мы разбираемся в документах, нам понятны эти поступки:

у декабристов не было необходимой уверенности в собственных силах, не было и полного душевного разрыва с окружающим строем. В их колебаниях сказался переходный характер их времени: сто лет тому назад только зарождались условия жизни, которые позднее выдвинули более сплоченные протестующие слои более стойких и уверенных борцов.

Но эти слабости и недостатки не лишают значения декабрьского выступления. Декабристы первые поняли, ясно продумали и глубоко прочувствовали очередные задачи, которые стояли перед обновляющейся Россией. Они первые пытались бороться за эти задачи. Они рискнули своим достоянием, положением, самою жизнью во имя свободы. Они были разбиты, и не могли не быть разбиты при отсутствии прочной классовой опоры и внутренней спаянности. Но их порывы, их выступление, их страдальческий подвиг не пропали бесследно. Современникам казалось, что в России воцарилась полная реакция, что декабрьское восстание отодвинуло страну на несколько десятилетий назад: так давила Россию железная десница Николая I. Но такое мнение было ошибкой: капитализм продолжал развиваться, крепостной труд отмирал, самодержавие постепенно заходило в мертвый тупик. Вопросы, поднятые декабристами, настойчиво выдвигались жизнью: сам Николай не мог от них избавиться и постоянно к ним возвращался. Он приказал составить сводку из показаний декабристов и положил ее на своем письменном столе. В откровенных беседах с сановниками он говорил: „Я веду процесс против рабства", образовывал различные секретные комитеты с целью преобразовать устарелые порядки. Однако все его усилия были бесплодны: самодержавная власть упиралась в крепостнический строй и была неспособна на обновление России. Николай I умер с ясною мыслью, что его дело проиграно. Его преемник Але-

ксандр II пытался мирным путем преобразовать развивающуюся страну. Идеи декабристов снова выдвинулись на очередь. было отменено крепостное право, введено выборное земство, перестроен старый суд. Но главное, к чему стремились декабристы, за что они боролись и страдали — политического освобождения — самодержавие не могло и не хотело дать России. Старая монархическая власть сводила на-нет собственные реформы. По-прежнему страна стояла на повороте и задыхалась под гнетом отживающего порядка. Только упорной революционной борьбой, только работой многих поколений была решена эта историческая задача. Поставили ее декабристы, разрешили рабочие и крестьянские массы XX века. Движение декабристов стало первым этапом сознательной борьбы за политическую свободу.

Сто долгих лет прошло с этого первого момента. Теперь нам видны все ошибки и недостатки декабристского движения. Но нам ясно также другое: самопожертвование его участников, их страдания за идею, их влияние на потомков. Вот почему образы первых русских революционеров никогда не умрут в нашей памяти.

ЧТО ЧИТАТЬ ПО ИСТОРИИ ДЕКАБРИСТОВ?

О декабристах существует много книг и статей. Желающим пополнить и углубить свои сведения можно указать следующие важнейшие работы.

1) Сочинения, в которых дается более полное фактическое описание декабристского движения на основании первоисточников (следственного дела, записок, писем и пр.). * Семевский В. И. Политические и общественные идеи декабристов. Спб. 1909 г. (очень важное пособие)[1]. — Довнар Запольский М. В. Тайное общество декабристов. М. 1906 г. — Довнар-Запольский, М. В. Декабрьская революция („Голос Минувшего" 1917 г. № 7—8). — Павлов-Сильванский Н. П. Очерки по русской истории XVIII—XIX вв. Спб. 1910 (статьи „П. И. Пестель" и „Материалисты двадцатых годов"). Щеголев П. Е. Исторические этюды Спб. 1913 (особенно важна работа о П. Г. Каховском, изданная также отдельно в 1919 г.). —Щеголев П. Е. Декабристы. П. 1920 г. Щеголев, П. Е. Николай I и декабристы П. 1919 г.

2) Небольшие по своему объему, но важные по содержанию работы, в которых дается объяснение декабристского движения. * Плеханов Г. В. 14 декабря 1825 г. (Изд. Гиз П. 1921). — Покровский М. Н. Русская история, т. III, главы XVI, XVII. —Покровский. М. Н. Декабристы (Записки Коммунист. Универс. им. Свердлова, январь 1923). Покровский, М. Н. Декабристы („Молодая Гвардия" 1925 г № 4—5). — * Покровский, М. Н. Очерки по истории революционного движения в России М. 1924 г, лекц 2. Рожков Н. А. Декабристы („Русское Прошлое" сб. 1 1923 г.)

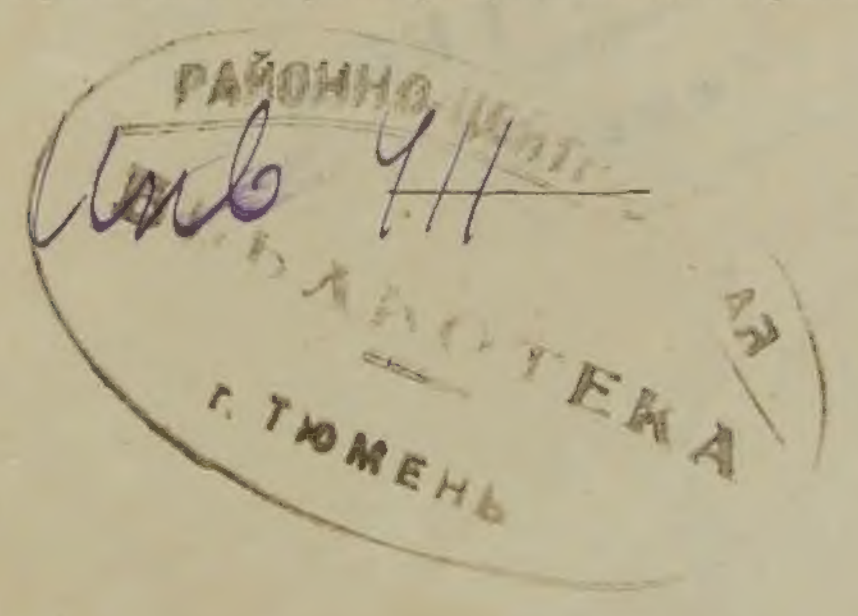
3) Сочинения самих декабристов — прежде всего их увлекательные, часто художественные воспоминания; из них особенно важны * Записки И. Д. Якушкина. М. 1905. *Записки дек. И И Горбачевского. М. 1916 г. — Записки М. А. Фон-Визина, кн. Е. П. Оболенского, бар В И Штейнгеля („Общественные дви-

---

[1] Знаком * отмечены особенно рекомендуемые сочинения

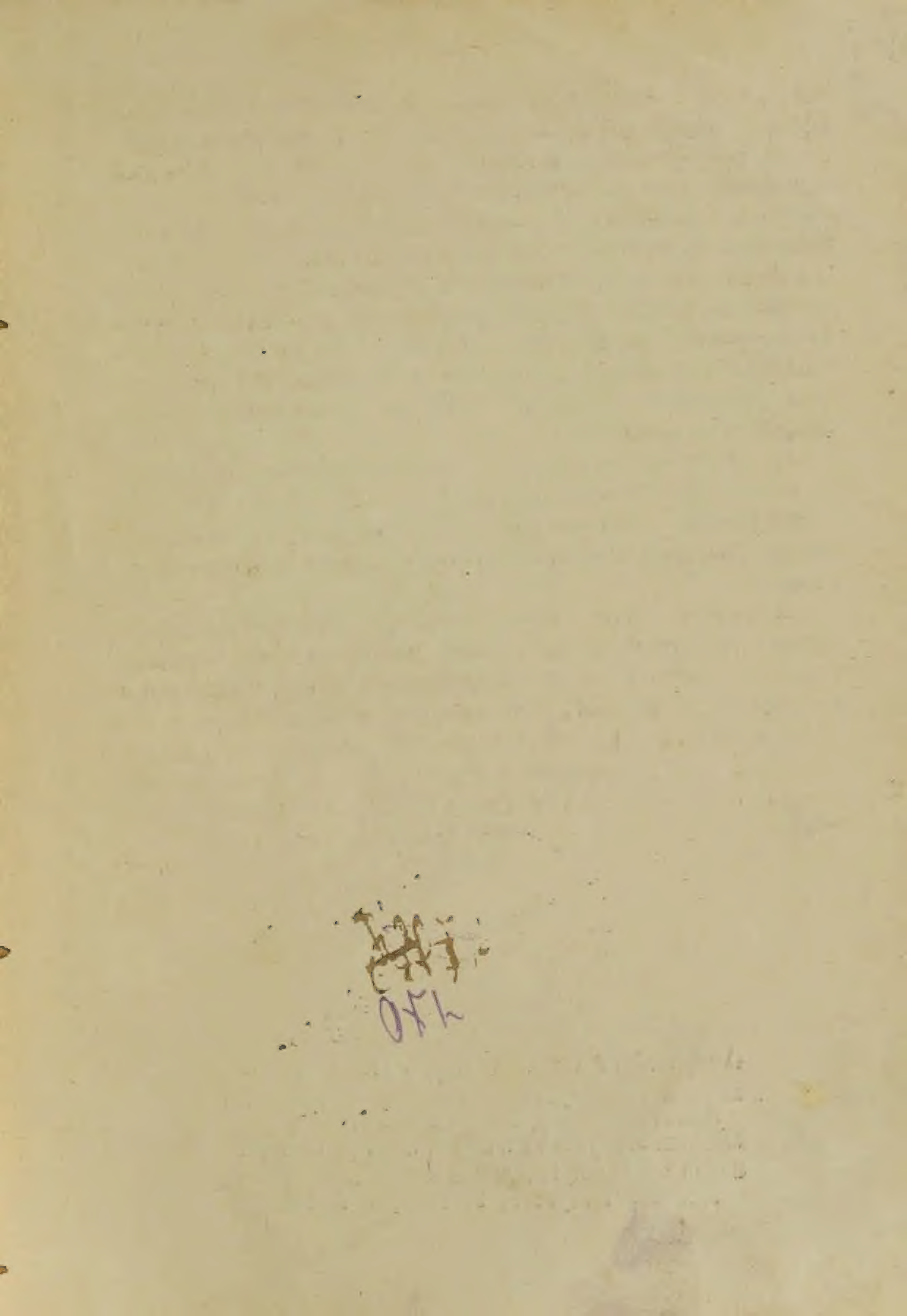
жения в России в первую половину XIX века, т. I. Спб. 1905). * Воспоминания бр. Бестужевых. П. 1917.—Очень важны показания и письма декабристов, частично опубликованные в книгах: * Бороздин, А. К. Из писем и показаний декабристов Спб. 1906.—Довнар-Запольский, М. В. Мемуары декабристов. М. 1905. — Штрайх, С. Я. Декабрист М. С. Лунин. Пб. 1923.—В настоящее время готовится Центрархивом издание следственного дела декабристов. — Наконец очень важны конституции Н. М. Муравьева (в книге В Е. Якушкина. Государственная власть и проекты государственной реформы в России. Спб. 1906) и * П. И. Пестеля (Русская Правда Спб. 1906 г.—готовится новое, более исправное издание).—Стихотворения декабристов собраны в книге Фомина, И. И. Собрание стихотворений декабристов, т. I—II. М. 1906.

4) Декабристы не раз были предметом художественного изображения. Прежде всего декабристское движение нашло себе отголоски у современников: у * Пушкина А. С.— в стихотворениях: К Чаадаеву (1818 г.), Вольность (1817), Деревня (1819), На Аракчеева (1820), Кинжал (1821), Узник (1822), Сказали раз царю (1824), Сказки (1818), Восстань, о Греция (1823), И. И. Пущину (1826), Послание в Сибирь (1827), Арион (1827), Эпитафия Волконскому (1827), в эпиграммах и в отрывках из сожженной X главы „Евгения Онегина"; у * А. С. Грибоедова („Горе от ума", где в лице Чацкого воплотились, хотя и неполно, передовые стремления начала XIX в.).—Л. Н. Толстой отразил зарождающийся декабризм в лице Пьера Безухого („Война и мир") и начал большой, неосуществившийся роман „Декабристы".—* Н. А. Некрасов дал яркие образы декабризма в поэме „Русские женщины" и стихотворении „Дедушка".—Несколько лет тому назад появились романы Д. С. Мережковского „Александр I" и „14 декабря", увлекательные, но односторонне и не совсем правильно характеризующие декабристов.

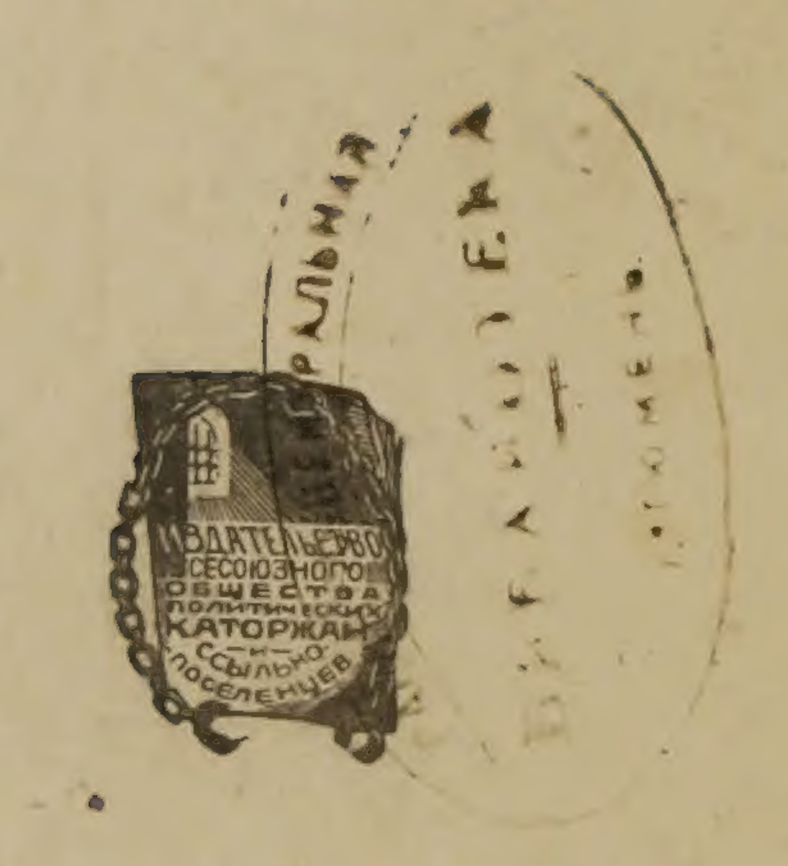

СОДЕРЖАНИЕ.

ИЛЛЮСТРАЦИИ:

Цена [redacted]оп. 1 руб. 25 коп.

ПОДПИСКУ НАПРАВЛЯТЬ ПО АДРЕСУ

Конторы Издательства Всесоюзного Общества Политкаторжан и Ссыльно-Поселенцев.
Москва. Лубянский пассаж, 32, тел. 3-64-73.

Склад изданий: Книжный склад „МАЯК".
Москва, Петровка, 7, телефон 3-63-20.